

АНАТОЛИЙ ДРОЗДОВ

МИЛАШКА

Анатолий Дроздов

Милашка

«1С-Публишинг»

2019

Дроздов А. Ф.

Милашка / А. Ф. Дроздов — «1С-Паблишинг», 2019

Анатолий Дроздов – популярный писатель-фантаст, автор множества книг в жанрах исторической, боевой и социальной фантастики. Представляем его роман «Милашка». Всем известно, что в грозу лучше укрыться дома и уж точно не бегать под высоковольтной линией. Герой книги этим правилом пренебрёг, за что и поплатился. Удар молнии и... здравствуй, другой мир! Повезло, что планета похожа на Землю. Подфартило, что населяют планету люди, а не орки с гоблинами. Даже технологии развиты, правда, однобоко. А вот то, что здесь царит матриархат и всех мужиков называют не иначе как «вонючими муримами», скверно. Впрочем, герой намерен освоиться в этом мире всё равно. А как – узнаете, прочитав книгу.

© Дроздов А. Ф., 2019

© 1С-Паблишинг, 2019

Содержание

1	5
2	13
4	28
5	35
6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анатолий Дроздов

Милашка

1

Раз-два-три-четыре – вдох. Раз-два-три-четыре – выдох. Деревья кончились, тропинка пошла на подъем. Заброшенный сад в нашем микрорайоне – идеальное место для тренировок. Некогда его посадили, чтоб снабжать Минск, но город протянул сюда улицы и дома. Сад заброшили, но сносить на стали – рядом высоковольтная линия. Высоченные металлические опоры, провода и гирлянды изоляторов видны издали. Возводить дома здесь нельзя. Получилась зеленая зона в окружении многоэтажек. Ну а яблони плодоносят и по сей день. Осенью ветви гнутся от плодов. Кое-кто их собирает, ну а я бегаю.

Сад расположен на возвышенности, он большой. Люди натоптали здесь тропинок. Можно выбрать легкий маршрут, где ровно. Можно перейти на подъем, затем – к спуску, дать нагрузку ногам и легким. Воздух здесь чистый. Загазованные улицы далеко, бегать там – себя не жалеть. Хотя бегают...

Подъем завершился, я повернул направо. Пошел участок вдоль опор. Бежать здесь не вредно – узнавал. Электрическое поле до дорожки не достает, да и мы быстро.

Потемнело, тянет тучу. Но светло – макушка лета. В темноте я бы не рискнул. Можно угодить ногой в яму, сломать ее или надорвать мышцу. А вот этого нельзя, завтра мероприятие. Председатель правления встретится с журналистами, конференцию веду я. И сорвать ее нельзя.

Председатель прессу не любит, как и я, впрочем. А за что ее любить? Перевернут все и перепутают, а отвечать мне. Председатель мозг вынесет. У него представление простое: ты работаешь с журналистами, значит, виноват. Должен обеспечить, и желательно на халяву. Жадный он, Николаевич, как и все банкиры. Персонал, впрочем, не обижает. Покричит, пошумит, а потом – глянц, премия. Есть за что. Сколько раз я вытаскивал банк из жопы! Обнесли как-то обменный пункт, да еще оператора убили. В Беларуси это скандал. Пресса взвыла, покатила бочки на банк. Экономит на безопасности, молодую девочку зарезали. Вызывает меня Николаевич, сам смурый. Под такое дело могут лицензию ограничить. Пришлют в банк контролеров, и они чего-нибудь да найдут. Все правление в кабинете сидит, на меня мрачно смотрит.

– Созываем пресс-конференцию! – говорю я.

– По такому поводу?! – очумел председатель.

– Именно! – подтверждаю. – Первым делом – соболезнование родственникам убитой. Заявление о выплате им помощи. Объявление о награде за информацию по преступнику. Сообщение о внеплановой проверке подразделений банка по вопросам соблюдения инструкций и мер безопасности. Пусть все видят, что нам не плевать. Что у нас есть сердце и желание действовать.

– Созывай! – кивнул председатель. – Выступление мне напиши. Про сердце не забудь.

Я созвал. Журналистов пришло море. Председатель выглядел молодцом – я с ним предварительно поработал. Журналисты увидели живого человека, который словно дочь потерял. Председатель так и сказал: «Они все мне, как дети!» А еще, что сделает все, чтобы такое не повторилось. Незаметно разговор свернул в нужное русло. Председатель рассказал о планах развития, сообщил о новых продуктах и решениях. Журналисты про это написали. Через месяц розничный сектор банка увеличил прибыль на треть. Неприятное ЧП обернулось пиаром. Мне повысили оклад.

Сволочь я? Как сказать... Преступление-то раскрыли. Оператора убил хахаль. Она впустила его в пункт – поболтать в обеденный перерыв. В нарушение всех инструкций, между прочим. Ну и кто ей виноват? «Не судите, да не судимы будете»...

Подул ветер, принес влагу. В отдалении громыхнуло. Надвигается гроза. Попаду под дождь и промокну. Зонтик я не брал – шутка. Побегу домой, завершу тренировку на тренажере.

Я свернул на тропинку, пересекавшую линию. Поравнялся с опорой. И тут наверху шваркнуло. Я поднял голову. Ослепительный разряд молнии ударил по гирлянде изоляторов. Оторвавшийся провод летел вниз. Дальше – как в замедленной съемке. Вот конец провода падает передо мной. Возникает сноп искр, следом – огненный вихрь. И я по инерции влетаю в него. Тело скручивает судорога, тьма...

Сообщение БелТА¹.

«Сегодня, в 21:03 вследствие удара молнии в опору в микрорайоне Юго-Запад Минска произошел обрыв провода высоковольтной линии. В результате были обесточены несколько районов города. Аварийная служба Минскэнерго ликвидировала последствия обрыва. Электроснабжение восстановлено. Пострадавших нет. Сообщения очевидцев, якобы видевших бегуна, на которого упал провод, подтверждения не нашли».

* * *

Я очнулся от тишины. Не было ветра и дождя, не гремел гром, не сверкали молнии. Я лежал на спине. Подо мной было нечто твердое и упругое одновременно. Затем пришла боль. Ныло тело. Меня словно прокрутили, а затем отжали в стиральной машине. Я открыл глаза. Все вокруг заполнял свет, мягкий и приятный.

«Умер», – пришла мысль. В панику я не впал, было любопытно. О загробной жизни я читал. Если верить авторам, сейчас придет ангел. Поприветствует новичка, даст свидание с предками – перед тем как сбросить в ад. Рая я не заслужил...

Ангел медлил. Поразмыслив, я пришел к выводу, что не умер. Почему тогда болит тело? У души его нет. Да и в ад мне рано. Я попробовал поднять голову – тело подчинилось. Теперь сесть. Боль кольнула и отпустила. Жив! Это что?

На ажурной конструкции надо мной истекал светом шар. Светильник, в саду? Их тут сроду не было!

Покрутил головой – охренеть! Сад исчез. Я сидел на дорожке. Фонари, убегая вдаль, освещали ее и деревья. Парк, аллея... Очень странная, между прочим. Я не знаю таких мест в Минске. Но они могут быть – строим много. Куда меня занесло?

Я потрогал дорожку – специальное покрытие. В парке?

Поднатужившись, я встал на четвереньки, затем – на ноги. Боль... Парк вокруг заплясал. Переждав приступ, я осмотрелся по сторонам. Никого. Освещенная дорожка, подступающие к ней деревья, сверху – темное небо. Поздний вечер или ночь.

Происшедшее я помнил. «Повезло» попасть под удар тока. Сколько в линии киловольт? Хватит превратиться в головешку. Только я жив, да еще в парке. Ну и как это объяснить?

Я оставил размышления и потопал вперед. Выйду к людям – разберусь. От движения боль притихла. Закусив губу, я шагал по дорожке. Поворот. Что за ним?

Впереди послышался топот ног, навстречу выскочили люди. Рассмотреть их я не успел.

– Олие! – закричали впереди, и меня сбили с ног. Я упал на живот. Сверху рухнули тела. Зашипев, я попробовал приподняться. Ни фиги! Мне ударили под колено, развели в стороны руки и ноги и прижали к дорожке.

– Хей пату! – раздалось сверху.

¹ БелТА – Белорусское телеграфное агентство.

Меня вздернули на ноги. Заломив руки за спину, наклонили к земле. В результате я видел дорожку и носки чужой обуви.

– Хей пату ту!

Меня схватили за волосы и задрали голову. Больно, мать их!

– Мурим! – удивилась стоявшая передо мной женщина.

На вид лет было лет двадцать пять. Гармоничные черты лица, хотя рот несколько великоват. Миндалевидный разрез глаз, черные брови под высоким лбом. Короткая стрижка темных волос. Симпатичная.

По бокам женщины стояли еще две. Лица грубые, туповатые, руки мощные. На меня они смотрели с прищуром. Словно выбирая, куда врезать...

– Мари ту!

Симпатичная указала на мой живот. Я попятился, но меня удержали. Здоровенная шагнула ближе и залезла в сумку на поясе. Извлекла связку ключей в чехле, паспорт, протянула симпатичной. Та первым делом взяла ключи. Рассмотрев, сунула здоровенной. Затем стала листать паспорт.

Я беру его на пробежки. Зачем? Чтоб милиция не цеплялась. Пару раз тормозили. Вечер, тип куда-то бежит. Подозрительно, а тут поиски грабителя... В отделении меня продержали до утра – устанавливали личность. Был бы паспорт – отпустили б сразу.

– Пу ю тин? – симпатичная потрясла паспортом.

– Не понимаю.

Симпатичная подняла бровь.

– Ай дант андестенд. Ихь фэрштээ нихть. Же не ву компрене²!

– Аляхель тин?

– Не понимаю! Я не знаю ваших гребаных языков. Отпустите руки! Задолбали!

Симпатичная задумалась и сказала что-то здоровенной. Та полезла в сумочку на поясе и достала нечто похожее на смартфон. Симпатичная провела над ним пальцем, засветился экран. Симпатичная вытянула руку со смартфоном в мою сторону.

– Алитей!

– Не пойму.

Симпатичная поднесла аппарат к своему рту и зашевелила губами. Нужно говорить? У нее там распознаватель? Смартфон застыл против моих губ.

– Алитей!

– Раз, два, три...

Смартфон промолчал. Симпатичная одобрительно кивнула и покрутила свободной рукой, требуя, чтоб я продолжал. Формирует базу?

– Я помню чудное мгновенье: передо мной явилась ты, как мимолетное виденье, как гений чистой красоты...

В другой ситуации я бы рассмеялся: явление чудное. Меня держат здоровенные тетки (мою голову отпустили, и я сумел их рассмотреть), еще двое поглядывают на меня без дружелюбия во взорах (это еще мягко сказано!), а я читаю стихи Пушкина главарю этой банды. То, что симпатичная здесь верховодит, понятно было без объяснений.

Память у меня хорошая, стихи я люблю. После Пушкина пошел Лермонтов, затем – Блок и Пастернак. Я добрался до Заболоцкого. Хватку тетки ослабили и отвели руки к бокам. Я стоял ровно и читал, читал. Горло стало саднить. Наконец, симпатичная дала знак замолчать. Я затих. Она поднесла смартфон к своему рту.

– Пу ю тин?

– Кто ты есть? – отозвался смартфон механическим голосом.

² «Я не понимаю». По-английски, на немецком и французском.

- Влад, – сказал я.
- Что есть Влад?
- Имя.
- Где живешь?
- В Минске.
- Что есть Минск?
- Город.
- Я не знаю такой.
- Ну а я – кто вы. Почему меня повалили на дорожку, а сейчас держат?
- Ты проник в мой парк. Здесь нельзя чужой.
- Я не знал.
- Как ты сюда попасть?
- Не знаю.

Симпатичная подняла бровь.

– У меня была тренировка в саду. Я бежал под высоковольтной линией. Началась гроза. Молния ударила в изолятор. Передо мной упал провод. Я не смог остановиться и вбежал в огонь. Потерял сознание и очнулся здесь.

- Ты смог выжить под электричеством?
- Я стою перед тобой. У меня болит тело. Прикажи отпустить руки. Или ты боишься?

Симпатичная раздула ноздри.

- Путай!

Здоровенные разжали клешни. Я растер запястья. Как в тисках держали! Где таких нашли?

- Сой!

Симпатичная повернулась и пошла вперед. Здоровенные подхватили меня под локотки (не сказать, чтоб нежно), повлекли следом. Шли мы долго. То ли парк оказался большим, то ли я – слабым. Под конец меня фактически несли. Наконец деревья разошлись, и мы выбрались на открытое пространство – по размеру с площадь в Минске.

Посреди ее высился дворец. Уходили ввысь серые стены, светились многочисленные окна по периметру, почему-то круглой формы, наверху красовалась прихотливой формы крыша. Несмотря на слабость, я оценил домик. Ни фиги себе девочка живет! Наверное, дочь олигарха. Или жена...

Мы поднялись по ступенькам, вошли в дверь и оказались в просторном холле. Его стены покрывал светло-серый камень похожий на мрамор. Из него были сделаны колонны, подпиравшие потолок. Симпатичная двинулась вверх по лестнице перед этим сказав что-то конвоирам. Меня оттащили в коридор и отвели в комнату с белыми стенами, где усадили на кушетку. Я хотел лечь, но одна из конвоиров покрутила головой:

- Тари ту!

Она ткнула в мою майку, показав, что ее нужно снять. Мне раздеться? Для чего?

- Перу!

Сморщив нос, здоровенная потащила с меня майку. Зашвырнула ее в угол. Наклонившись, сняла кроссовки и носки. Расстегнула пояс с сумочкой и взялась за спортивные трусы.

- Э!.. – возмутился я.

На протест не обратили внимания. Трусы с плавками полетели в угол. А меня отвели к белой двери. Конвоир распахнула ее и втокнула меня внутрь, не забыв закрыть следом дверь. Я оперся на стену. Та была гладкой и прохладной. Так... Небольшая кабина с двумя ручками на стене. В невысоком потолке – мелкие отверстия. Они есть в стенах и в полу. А в углу – треугольное отверстие с решеткой. Душевая?

Я дернул ручку. На меня обрушился водопад. Струи били с потолка, поддавали в спину и бока. Я вернул ручку на место. Водопад исчез. Потянул вторую. Повеяло теплым воздухом. Все понятно. Душ и фен в одном флаконе. Что ж... Регулируя ручкой напор и температуру воды – разобрался быстро – я смыл пот с тела. Мыла не было, но вода пахла чем-то приятным. Наверное, несла в себе что-то моющее. Под конец я сделал душ ледяным, терпеливо выждав пару минут. Получив заряд бодрости, включил фен. Когда обсох, толкнул дверь.

Конвоиров в комнате не оказалось, как и снятой одежды. И часы пропали. Их я снял сам. На кушетке лежал белый халат, а под ней нашлись тапочки – тоже белые. Шутят... Я накинул халат, всунул ноги в тапочки – подойдут. Что теперь? Слабость в теле не прошла, хотелось прилечь. Не срослось. Распахнулась дверь и впустила незнакомую женщину лет сорока в светло-зеленом комбинезоне. Подойдя ко мне, она достала из кармана смартфон.

– Ты иди со мной! – перевел гаджет.

Я кивнул. А куда денешься? Коридором мы прошли до конца крыла. Там, в большой комнате, обнаружился аппарат, походивший на компьютерный томограф. Женщина указала на него.

– Ты снять одежду и лечь.

– Зачем?

– Я обследовать.

Лечь так лечь. Я сбросил халат и попытался забраться на стол. Сил не хватило. Женщина подтолкнула меня в задницу. Дожил! Я растянулся на столе, ощутив спиной мягкое покрытие.

– Ты не двигаться!

Женщина отошла к пультам – или что там у них? – и забегала пальцами по экрану. Аппарат зашипел, и меня потащило вперед. Голова вползла в темный туннель, окружающее исчезло...

* * *

Врач вошла в двери и склонила голову в поклоне.

– Проходи, Грея!

Женщина приблизилась к столу главы Дома и остановилась.

– Говори! – велела Сайя.

– Он не наш, госпожа.

– Из Курума?

– Исключено.

– Из какой страны?

– Не могу это сказать.

– Почему?

– У него нет чипа.

– Нет? – удивилась безопасница. Она сидела за приставным столом. – Хочешь сказать, выгорел?

– Его не было изначально. Никаких следов.

– Где ж такое может быть? – покачала головой безопасница. – В племенах Пустыни?

– Он не сын Пустыни.

– Утверждаешь?

– У него белая кожа и голубые глаза. Он высок и имеет необычно мощный костяк. Никакого сравнения.

– Северянин? – подняла бровь глава Дома.

– У тех светлые волосы.

– Не всегда.

– И у них есть чипы.

- Это – да! – согласилась Сайя. – Хотя внешне похож.
- Не совсем, госпожа. Северяне худы. Я говорила про костяк. А еще мышцы. Очень сильные.
- Сюда едва шел.
- Пережил удар током. Очень мощный. Ворг пятьсот.
- Как он смог уцелеть?
- Непонятно, госпожа. Но сканер подтверждает.
- Что еще?
- Возраст – тридцать лет. Годом больше или меньше. Патологий не имеет. Тренирован. Необычно развит мозг. Двести десять по шкале Пат.
- У мурима?
- Да.
- Сайя посмотрела на безопасницу. Та пожала плечами.
- Скан не врет?
- Я проверила.
- Хорошо! – кивнула глава Дома. – Свободна.
- Грея повернулась к двери.
- Где он? – поспешила безопасница.
- Спит, – обернулась Грея. – Его отнесли в комнату. Сам идти не мог. Я сделала ему укрепляющий укол.
- У меня нет вопросов.
- Грея поклонилась и вышла.
- Теперь ты! – сказала Сайя безопаснице.
- На одежде – незнакомые ярлыки, – поспешила та. – Текст невозможно прочитать. Буквы неизвестные на Орхее.
- А еще покрой, – подхватила Сайя. – Верх без рукавов, а штаны – до колен. Здесь так не ходят.
- Госпожа?..
- Это вместо чипа, – Сайя взяла со стола паспорт. – Здесь его изображение и какой-то текст. Вывод?
- Безопасница покрутила головой.
- Думай! На вечерней пробежке я натыкаюсь на мурима. Он как-то проник в парк, одолев охранный периметр. Сигнализация промолчала. А она в поместье самая совершенная в стране! Распознает предмет, переброшенный через забор.
- Разберусь, госпожа!
- Помолчи! – Сайя подняла руку. – Сигнализация не при чем. Она охраняет периметр, но не пространство над парком.
- Госпожа?..
- Он проник через него.
- Муримы не летают.
- Мы – тоже. Потому воздух над парком не защищен. К слову, упущение.
- Я займусь этим, госпожа!
- Сайя одобрительно кивнула.
- Идем дальше. Охрана вяжет незнакомца, начинается допрос. Снова неожиданность. Чужак не говорит на известных в Орхее языках. В то же время знает некие другие.
- Притворялся.
- Нет, Клея! – Сайя покрутила головой. – Невозможно придумать столь богатый язык. Кляч его долго распознавал. Муриим читал мне стихи.
- Что?!

– Мелодичные и красивые. О любви, – Сайя улыбнулась. – У нас таких нет. Сообразила?

– Дальний Континент?

– Их язык есть в клаче. Думай, Клея!

Безопасница покрутила головой. Сайя усмехнулась.

– Есть никому неизвестный мурим, – она подняла палец. – Чипа нет, зато есть странная книжка с его изображением и непонятным текстом. (Второй палец занял место рядом с первым.) Мурим необычно одет, говорит на неизвестном языке. (Третий палец.) Грея сообщает о необычном сложении чужака, а она многих видела. (Снова палец.) У него необычные ключи и прибор времени. Шкала не похожа на наши. Это пять. И последнее. Мурим говорил со мной дерзко.

Растопыренная ладонь закачалась перед лицом безопасницы.

– Дерзко? – изумилась Клея. – Он посмел?!.

– И при этом не сомневался в своем праве, – усмехнулась Сайя. – Обновлению несколько лет, но мурим, который дерзит главе Дома... Сомневаюсь, что в стране найдется такой. Вывод прост: он не отсюда.

– Из Курума?

Сайя покрутила головой.

– Из Эпира?

– Нет.

– Из Норгея?

– Из другого мира.

– Невозможно, госпожа!

– Невозможное возможно. Так гласит девиз Дома. Я спросила чужака про парк. Как он проник сюда? Ответил, что бегал в каком-то саду. Там шла линия токопровода. Молния ударила в опору, провод оторвался и упал чужаку под ноги. Он получил мощный разряд и пришел в себя уже здесь. Грея удар током подтвердила. Он не врет.

– Почему его забросила сюда?

– Не могу сказать, Клея. Никто не объяснит. Слишком мало знаем. Но у нас есть мурим, занесенный неведомо откуда. Потому надо решить, что с ним делать.

– Предлагаю сдать в Охрану.

– Почему?

– Он проник в запретную зону.

– У него не было оружия. На суде он заявит, что это случайно. Мнемоскопия подтвердит. Заодно выяснит, что он из другого мира. Процесс привлечет внимание прессы. Чужака немедленно оправдают, и мы потеряем его навсегда. А теперь представь: он из другого мира. Какие знания есть в его голове?

– У мурима?

– По словам Греи у него развит мозг. Он, несомненно, образован. Знать столько стихов!

– Зачем Дому поэты?

– Может, это увлечение. А образование у него иное. Мы должны это узнать.

– Понимаю, госпожа.

– Ему нужно выделить комнату и кого-то из охраны. Пусть она опекает и помогает чужаку. Язык есть в клаче Греи.

«Девочкам это не понравится!» – подумала Клея. Но вслух этого не сказала. Потому что получит в ответ: «Недовольные могут идти за ворота!»

– Сделаю, госпожа!

– Иди!

Клея встала, поклонилась и вышла из кабинета. Сайя взяла клач и включила воспроизведение. Некоторое время слушала голос чужака. Хрипловатый и грудной, он звучал мягко,

будто обволакивал. Она заслушалась. В груди возникло, затем затопило тело приятное томление. Спohватившись, Сайя отключила клач. «Ему можно на сцене выступать, – подумала сердито. – Внешность подходящая. Обновленцы на руках понесут. Может, отдать?» Поразмыслив, она решила не спешить. Отдать можно всегда. Первым делом – интересы Дома.

Зевнув, Сайя положила клач. Пора спать...

2

Разбудил меня луч света. Проскользнув в окно, он уперся в лицо, изгнав сон. А тот был хорош: Ира танцевала стриптиз. Соблазнительно изгибалась и трясла грудью. Ее молочные полушария, выделявшиеся на загорелом теле, прыгали вверх-вниз и замирали, глядя на меня розовыми сосками. Организм давно среагировал на провокацию. Я с томлением ждал завершения представления. Сейчас трусики Иры улетят в угол, она прыгнет ко мне, и мы сольемся в экстазе...

Сон исчез. Сказав: «Блядь!» (не по адресу Иры), я протянул руку. Смартфон лежит на сиденье стула, который стоит возле дивана. Я так привык. Посмотреть время, если проснусь раньше будильника, отключить сигнал. Сколько сейчас? Может, удастся досмотреть? Затащить в постель Ирочку – моя голубая мечта. А увидеть стриптиз в ее исполнении – так в квадрате.

Рука встретила пустоту – стула не было. Не поставил. Пропал сон! Я вздохнул и сел на постели. Оп-па! Это не моя спальня. Исчез любимый диван, вогнутый телевизор с колонками, стойка с дисками. Где шкафы с книгами и комод для белья? Ничего этого в комнате не наблюдалось. Зато был стол со стулом, шкаф в углу и топчан, на котором сижу. Где я?

«На другой планете», – подсказал мозг.

«Пошел на!» – сообщил я и спустил ноги на пол. Факт нужно доказать. Происшедшее вчера помнилось, но я этому не верил. У меня сегодня пресс-конференция, не явлюсь – получу выговор. Месячной премии не видать, квартальная под вопросом. А у меня планы. Сергей «хонду» продает. В идеальном состоянии машина, я на ней не раз ездил – отвозил друга домой. Я в компаниях не пью. Этим пользуются: развожу алкоголиков по домам. Зная о моем отношении «хонде», Сергей предложил ее купить. Сам нацелился на «тойоту». Продавать машину другим – потерять в деньгах. Покупателям все равно, сколько ты в нее вложил. А вот я в курсе. «Хонда» как огурчик. Денег я скопил, не хватает чуть. Квартальная премия б помогла...

Я откинул одеяло. На мне не было ничего. Где мои трусы? Я прошлепал по полу и открыл шкаф. Там нашелся знакомый халат, внизу – тапочки. Плюнув, я пошел искать туалет. Обнаружил его за сдвижной дверью в углу. Унитаз непривычной формы – край спереди приподнят, биде (!) и душевая кабина. Явно меньше той, где я мылся вчера. Туалетной бумаги не наблюдается. Ну, так биде...

В душевой кабине нашлось мыло – не кусок, а флакон с этикеткой. На ней голая женщина растирала пену по телу. Наверху обнаружилась трубочка. Надавив на флакон, получил капельку жидкости. Из стены торчал кран. Я включил воду и растер каплю в ладонях. Она дала пену. Я пустил душ и намылил тело. Сполоснувшись, включил фен. Осмотрел кабину. В угловом шкафчике обнаружил незнакомый предмет в форме буквы «Г». Длинная сторона представляла собой ручку, на которой нашлась круглая щеточка с дырочкой посреди. Чистить зубы, если правильно понимаю. Только как? Кнопки не было. Я сжал ручку. В центре щетки показался гель, а затем она завертелась. Я воткнул ее в рот и прошелся по зубам. Щетка чистила мягко, но вполне сильно. Я открыл кран и прополоскал рот. В нем остался вкус – незнакомый, но приятный.

Чисто вымытый, я вернулся в комнату. Облачился в халат с тапками и уселся на стул. Пожрать бы. Кормить меня не спешили. Попросить самому? Я сходил к двери. Заперто. Постучать? Могут не понять. Тетки тут на махач резкие. Я вернулся к столу и осмотрел стены. На одной обнаружился плоский экран. Телевизор или средство коммуникации? Под экраном обнаружили значки. Я потыкал в них пальцем. После третьего тыка экран ожил. Я увидел стол и каких-то типов за ним. Позади красовалась заставка. Типы вешали, обращаясь к зрителю. Телевизор... Лучше б средство для связи. Но чего нет, того нет.

Я сел и уставился на экран. Звука не было. Наверное, стоило поискать, но лень было вставать. Я разглядывал картинку. Явно студия. За столом – женщина и мужчина. Он какой-то дохляк. У нее лицо молодого Шварценеггера, крупный подбородок и широкие плечи. Смотрит орлом... Странная пара. «Шварценеггер» закончила говорить, на экране пошел видеоряд. Камера показала теток в мундирах. Они разглядывали стальные плиты. В тех красовались неровные, с оплавленными краями дырки. К теткам подскочила репортерша с микрофоном. Одна из теток заулыбалась и стала что-то вещать. Выглядела она довольной.

На экране вновь появилась студия. Ведущий что-то восторженно сказал, студия исчезла, и я увидел роботов. Здоровенные, они шли в ряд по полю. Вот они замерли, протянув руки-манипуляторы. На концах их вспыхнуло пламя, и вперед понеслись ослепительно-белые молнии...

Я умею анализировать информацию. Потому работаю в банке третий год. До меня рекорд пребывания в этой должности составлял два месяца. Большинству хватало и одного.

Это была не Земля. На Земле нет таких роботов, и они не бьют молниями. Кинофильмы можно не считать. На экране шел репортаж. Отстрелявшись, «роботы» встали на краю поля. На их спинах отворились дверцы, из них выскочили женщины в мундирах. Они встали у машин, как танкисты возле танков. Появились виденные мной тетки. Улыбаясь, они хлопали «танкисток» по плечам. Подбежала репортер, и «танкистки» забухтели в микрофон. Ясно что. Мы тут – ух! Самые крутые. Врежем гадам, чтоб им мало не казалось!

Репортажи продолжались. Везде были женщины: в машинах, у каких-то приборов с неизвестными инструментами. Лишь однажды показали мужчин. Это был завод «роботов», мужики собирали их. «Роботы» плыли по конвейеру, а в конце в них залезали операторы – непременно женщины, и куда-то угоняли.

Сомневаться больше не приходилось: это другой мир. Минска мне видать. Не зайти в свою квартиру, не лечь на любимый диван. Меня будут искать. Оборвут телефон, а потом кого-то пришлют. Дверь, конечно, не откроют. Заявление в милицию, вскрытие квартиры, протокол... Розыскное дело, через год признание умершим. Был Влад и кончился...

Накатило горе. У меня отняли родителей и друзей. У меня нет дома и работы. Не видать мне Ирочки. Вместо них – здоровенные тетки и их гребаный мир с «роботами»...

Я сидел так долго. Наконец, вытер слезы. Хватить ныть! Я жив и здоров. Мог погибнуть, но уцелел. Прекращаем пускать нюни! Я мужчина или чмо? Было хуже. Срочную службу я начинал в Печах³. С «молодых» там тянули деньги. Я платить отказался – стыдно было просить у родителей. Меня пробовали «воспитать». Заставляли отжиматься в противогазе, гнобили в нарядах, потом стали бить. Я впал в отчаяние, приходили мысли о самоубийстве. Но однажды я сказал себе: «Хватит! Пойду под суд, но гадов урою!» Когда сержант в очередной раз ударил меня, то получил в ответ. Прибежал прапорщик – и огреб следом. Меня потащили к командиру части. Тот стал стращать судом.

– Открывайте дело! – согласился я. – Я о многом расскажу. Как тут вымогают деньги у солдат, как их бьют и издеваются. Кто и зачем это покрывает. Будет интересно.

– Умный, да? – разозлился командир.

– Окончил вуз с красным диплом, – подтвердил я.

– Пошел на! – рявкнул подполковник, и я сделал поворот кругом.

Меня оставили в покое, после обучения отправили в бригаду. Там было хорошо. Я водил Т-72⁴, даже участвовал в параде в честь Дня независимости. Хорошо мы шли...

³ Крупнейший в Беларуси военный учебный центр. В 2017–2018 гг. в Печах разоблачили мощную систему вымогательства у военнослужащих срочной службы. Многих офицеров и сержантов приговорили к лишению свободы.

⁴ Основной танк в вооруженных силах Беларуси.

За спиной щелкнул замок, в дверь всплыла тетка с подносом. Она подошла к столу и сгрузила на него ношу. Достала смартфон.

– Ты! Кушать. Быстро!

– Благодарю! – сказал я и подвинул поднос.

На нем стояла тарелка с кашей и стакан с желтой жидкостью. Хлеба не было. Хорошо, ложку дали. Я пожевал кашу. Та была пресной и безвкусной. Напиток походил на яблочный сок – кисло-сладкий и приятный. Чай был бы лучше.

Тетка нависала над столом, отравляя аппетит. Зля ее, ел я медленно, даже ложку облизал. Рожу тетки перекивило.

– Еще можно?

– Нет! – сказала она и схватила поднос. – Другой раз ходить за едой сам. Там брать, сколько нужно.

Тетка скрылась, не забыв закрыть дверь. Почему меня здесь не любят? Залетел в их парк? Ну, так не нарочно. Зачем держат под замком, не сдают в местную милицию? Или ее нет? Сомневаюсь. Государств без органов принуждения не бывает.

Я вернулся к телевизору. Шел фильм. Дамы в облегающих одеждах выясняли отношения. Слова не требовались. «Дура!» – «Сама дура!» Одна из дамочек заплакала. Вторая стала ее обнимать.

Я встал и выключил телевизор. Чем заняться? Я подумал и прилег. Подремать, что ли?

Не срослось. Дверь открылась, и вошла та же тетка. Она несла какой-то пакет. Положив его на стул, взяла переводчик.

– Ты! Надеть это!

Я встал и рассмотрел содержимое пакета. Штаны типа легинсов⁵, легкий джемпер с длинными рукавами. Что-то вроде кефов. Белья и носков не было.

Уходить тетка не собиралась, и я сбросил халат. Пусть смотрит, если нравится! Она сморщилась, но не отвернулась. Вот сволочь! Ни стыда и ни совести. Первым делом я натянул легинсы. Они плотно обтянули ноги. Посмотрел вниз – «хозяйство» на виду. Ну, нах! Я не балерун.

Стащив легинсы, я положил их на стул.

– Не буду их носить. Это женская одежда. Принеси мою.

Лицо тетки побурело.

– Ты надеть это! Быстро!

– Ни за что! – сказал я и ухмыльнулся. Раскомандовалась тут! Иди мешки грузить.

– Ты не подчиняться?

Она сунула в карман смартфон и шагнула ближе. Будешь одевать силой? Ну, попробуй! Кулак врезал мне в живот. Я согнулся пополам. Вот ведь падла! Хорошо, у меня пресс! Не то б печень пополам...

Вздыхнув, я выпрямился. На лице тетки красовалась злорадная ухмылка. Дескать, получил? Будешь слушаться? Я ударил без замаха – боковым в челюсть. Голова тетки дернулась, она отступила назад.

– Получила?

Тетка что-то прошипела и подняла кулаки. Бокс! Мы затанцевали на свободном пространстве. Драться я умею, в школе в секцию ходил. Тетка перла в ближний бой. Схватит, переломит пополам. Я держал ее на расстоянии. Она махнула ногой. Увернувшись, я провел прямой в корпус. Отскочив, она вернула удар. Он пришелся в левое плечо. Меня развернуло – сильно бьет, зараза! – зато вблизи оказался ее нос, и я этого не упустил. Она охнула и отступила назад.

⁵ Разновидность обтягивающих штанов.

Несколько секунд мы стояли. Нос ей я разбил, но ломать не стал. Бил вполсилы. Кровь струилась ей губы, заливая подбородок. Она вытерла ее ладонью, посмотрела на разводы.

– Хватит! – предложил я. – Мы в расчете. Я не хотел бить тебя, но ты начала первой.

– Асукин! – заорала она в ответ и рванулась на меня.

Я отбил удар кулака и ушел от второго. Отступил вбок и поймал боковой в глаз. На мгновение потерял контроль. Потому получил прямой в подбородок. Мир исчез...

* * *

– Госпожа?

– Что случилось, Клея?

– Лейга подралась с чужаком.

– Почему?

– Отказался одеваться.

– Отчего?

– Не понравилась одежда. Сказал, что она женская.

– Что ему принесли?

– Шуги и турейку.

– Чужак прав.

– У нас не было другой.

– А купить трудно? Ты разочаровала меня, Клея.

– Мы не ждали такого поведения от мурима.

– Я вчера тебе говорила, что он другой. Сильно избили?

– Под глазом синяк. Получил удар в подбородок. Сотрясения нет. У Лейги разбит нос.

– Он побил охранницу?

– Она не ждала от него сопротивления.

– Лейгу – за ворота!

– Если позволите, госпожа...

– Не позволю! Она позволила себя спровоцировать. Проявила nepозвожительную несдержанность. А еще ее побил мужчина. Мне такие не нужны. За ворота!

– Слушаюсь, госпожа!

– Назначь вместо нее кого-нибудь поумнее.

– Может, не из моих?

– Почему?

– Они не любят муримов.

– Предлагай замену!

– Грея. Она врач. Ей не привыкать.

– Хорошо. Попроси Грею обращаться с чужаком бережно.

– Передам, госпожа.

– Принеси ему извинения – лично. И скажи, что я уволила Лейгу.

– Сделаю, госпожа.

– У меня трудный день, Клея. Буду поздно. Я хочу, чтобы к моему возвращению, чужак был всем доволен. Это ясно?

– Без сомнения, госпожа!

– До свидания!

Гудок...

* * *

Очнулся я на полу. Надо мной стояла тетка в зеленом комбинезоне. Она помогла мне перебраться на топчан, затем стала показывать пальцы, требуя их посчитать. Я справился. Получил вопрос: есть ли тошнота? Ее не было, и тетка довольно кивнула. Пришла другая, тоже лет сорока. У нее был важный вид и сердитое лицо. Она глянула на меня и забрала врача. Возвратились они спустя полчаса. Сердитая тетка встала передо мной и склонила голову.

– Я, Клея, глава службы безопасности Дома Сонг приносить тебе, чужак Влад, свой личный извинения за поведение мой подчиненный. Мы ее уволить. По приказу мой госпожа за тобой ухаживать Грея, – она указала на врача. – Говорить ей о том, что тебе нужно. Подходящую одежду тебе мы привозить.

– Отдайте мою!

– Она не подходит. У нас мурым не ходить с голыми руками и ногами. Тебе есть, что спросить?

– Нет, – сказал я.

– Тогда я уходить.

И она ушла. Осталась Грея. Подойдя ко мне, она достала из халата баночку с мазью. Зачерпнув ее пальцем, наложила вокруг левого глаза. Значит, там синяк. Знатно мне приложили! Ну и я что-то смог. Мою соперницу уволили? Поделом! И не надо меня упрекать! Я не женоненавистник, но фурий не люблю.

– Можно зеркало? – попросил я Грею.

Она подошла к стене и что-то нажала. Панель отползла в сторону, открыв зеркало. Я подошел ближе. М-да. Видок еще тот. Медведь панда с пятном вокруг глаза.

– Что еще? – сухо спросила Грея. Похоже, поручение ей не нравилось.

– У меня будут просьба, – сказал я, подпустив в голос обаяния. – Здесь не мой мир. Я не знаю вашего языка. Мне б хотелось изучить. Это можно?

– Да, – ответила Грея и ушла.

Возвратилась она с планшетом. Тот имел широкий экран, дюймов эдак семнадцать, и подставку. Грея водрузила его на стол, провела сверху пальцем. Экран вспыхнул.

– Управлять так. Ты смотреть сюда, – она указала на иконку с каким-то значком. – Это алфавит. Нажимать его, он показывать. Нажимать на буква, большой клач ее говорить. Нажимать здесь – алфавит убирать. Это словарь, – она указала на вторую иконку. – Я закачать в клач твой язык. Ты нажимать и говорить слово. Клач показывать его на языке сухья. Ты его нажимать, клач говорить. Ты меня понимать?

– Да, Грея! – сказал я. – Я тебя очень благодарить.

– Если хочешь меня звать, коснись здесь, – она указала на значок на экране. – Я приходить.

Она вышла. Я придвинул планшет и открыл алфавит. Двадцать пять букв. Хорошо, что не сорок шесть. Про иероглифы умолчу. Начертание букв – кружки с хвостиками разной формы. У армян вроде такие. Или у грузин? Ну, кириллицы я не ждал, латиницы тоже. Хорошо, что нет всяких тильд⁶ с примкнувшим к ним знаками. Я коснулся пальцем в первой буквы алфавита.

– Э-э, – выдал планшет.

– М-да! – прокомментировал я и ткнул в следующую букву.

– Цэ...

⁶ Знак в виде волнистой черты над буквой, применяемый в разных языках. Служит для обозначения ее иного произношения.

Все у них не как у людей. Я вздохнул и пошел дальше. Через час я знал алфавит назубок. Ничего сложного. Вполне привычные звуки, из которых восемь – гласные. Если знаешь два языка, не считая родного⁷, третий учить легче. Память у меня хорошая. Я перешел к словарю. Ткнул в значок и сказал вслух:

- Я хочу есть.
- Ти амну им, – выдал планшет, показав написание фразы.
- Благодарю тебя, госпожа.
- Анауцим тим, дому...

Обучение шло своим чередом, когда пришла Грея с пакетом. В нем оказалась одежда. Светло-серый комбинезон, белье, носки и ботинки на серой подошве. Верх у них был рижим.

- Анауцим тим, дому, – сказал я.

Ее брови пошли вверх.

– Ты хороший ученик, – покачала она головой. – Но не говорить мне «дому». Это большой госпожа, а я – маленький. Говорить мне «тофу».

- Анауцим тим, тофу, – повторил я.
- Меня не за что благодарить. Ты хотеть есть?
- Сначала оденусь, – сказал я.
- Я ждать тебя в коридоре.

Она вышла. Я скинул халат и переоделся. С размером они угадали. Эластичные трусы и носки сели как родные. Комбинезон был широковат, но вполне удобный. Ткань тонкая, но на вид прочная. Я воткнул ноги в ботинки и вышел из комнаты.

- Ти амну им, – сказал Грее.

Она указала направление. Столовая была на том же этаже. Небольшая комната, несколько столов с легкими стульями возле них. За одним из столов сидели тетки. На меня они посмотрели без приязни. Это, мягко говоря.

- Выбирать! – показала Грея в сторону.

Взяв подносы, мы пошли к раздаче. Чем здесь кормят? Мясо с кашей. Хлеба нет. Получив свою тарелку, походившую на поднос, но размером меньше, я взял стакан с соком и столовые приборы. То есть ложку и двузубую вилку, а еще – нож к ним. Водрузив это на поднос, пошел к свободному столику. Грея выбрала другой – не хочет рядом сидеть. Ну и ладно!

Мясо представляло собой ногу курицы, или что-то вроде того. Словом, птица. Я прижал ее вилкой и срезал мякоть. Разделив на кусочки, стал накалывать их и класть в рот. Пресновато, специй не хватает. «Не бухти!» – приказал я себе и продолжил есть. Доев мясо, придвинул кашу. Вдруг заметил, что в столовой тишина. Я поднял взгляд: все смотрели на меня. Странно. Что не так?

Я пожал плечами и взял ложку. Дожевывая кашу, запил соком. Встал. Посуду уносить? За раздачей виднелось какое-то окно. Я отнес туда поднос с грязной посудой. В коридоре меня догнала Грея.

- Если ты гулять, я проводить, – сообщила, указав на холл дома.
- Я учить.
- Как хотеть, – кивнула она.
- Почему на меня в столовой смотрели? – спросил я.
- Необычно есть, – объяснила она. – У нас нога ура брать рука. Ты разделать ее сапа.

Мало кто уметь. Никто не ждать этого от мурима.

- Что такое мурим?
- Человек мужского пола. Самец.
- Почему не мужчина?

⁷ В Беларуси два государственных языка: белорусский и русский.

- Это официально. В обиходе – мурим.
- Обидное слово?
- Не совсем, – сказала она и смутилась. Что-то тут не так...

Я вернулся в комнату и продолжил учебу. Сколько времени прошло, я не знал. Часы у меня забрали, а других нет. На экране планшета виднелись какие-то значки, между ними – черточка. Точно время. Как его узнать? Алфавит у меня есть, а вот цифр не видно. Ладно, позже. Погрузившись в изучение языка, я забыл о еде. Но пришла Грея и отвела меня в столовую. В этот раз вместо каши подавали гороховое пюре или что-то вроде него. А еще суп и хлеб – сероватые булочки, походившие на плюшки. Я взял две. В этот раз людей было много, я с трудом отыскал свободный стол. Грея села со мной. Я отломил от булки кусочек, положил в рот. Прожевал. Хлеб был сладким. Хоть такой... Зачерпнул ложкой суп. Хорошо! Необычный вкус, но вполне съедобно.

Завершив с супом, я придвинул тарелку с пюре. Отломил кусочек от булки.

- Почему ты ешь хлеб с тири? – спросила Грея.
- Привык, – объяснил я.
- Мы ешь хлеб с нерг, – указала она на стакан с соком. – И никак иначе.
- Значит, многое потеряли, – улыбнулся я.

Покачивая головой, она промолчала. Кстати, жесты здесь похожие на земные. Или мне кажется?

После ужина я ушел в комнату, где вернулся к обучению. А потом за мной пришли...

* * *

– Весь день учил наш язык, – сообщила Грея. – Даже отказался от прогулки. Необычно для мурима.

- Каковы успехи?
- Знает обиходные фразы. Скан не ошибся насчет мозга.
- Как вел себя?
- Уважительно, госпожа. Постоянно благодарил. Очень вежливый мурим.
- Это не помешало ему разбить Лейге нос.
- Думаю, что она сама виновата, госпожа.
- Потому и уволили. Приведи его ко мне.
- Слушаюсь, госпожа!

* * *

Кабинет внушал. Не какая-то комната, пусть даже большая, а солидный зал. Стены мраморные, пол – тоже, да еще пара колонн. Длинный стол с полированной каменной столешницей. И еще один, более короткий – поперек. Там сидела симпатичная девушка из парка. Вот кто здесь олигарх!

- Добрый вечер, дому!
- Я сказал это на местном языке.
- Подойди!
- Я приблизился.
- Говоришь на нашем языке?
- Стараюсь.

Она уставилась на меня. Заценила фингал? Мазь Грей помогла, но смотрелся я как бомж с помойки, оттого чувствовал себя неудобно. Она взяла переводчик.

- Кем ты быть в своем мире?

– Пресс-секретарь банка.
– Что это означать?
– Посредник в общении со средствами массовой информации. Проводил встречи руководства с журналистами, сообщал им информацию о банке.
– Это все?
Она сморщилась. Мой ответ почему-то не понравился.
– Какой твой образование?
– Университет.
– Что учить?
– Иностранные языки.
«А еще химию», – едва не сказал я, но промолчал. Сам не знаю почему.
– Что мне делать с тобой?
Эту фразу женщина произносит по-разному. С укоризной, сочувствием или любовью. Сейчас звучал только вопрос.
– Какие есть варианты? – спросил я.
– Их немного, – сообщила она. – Могу передать Охране. Им сказать, что ты незаконно проник в мой парк. Они посадить тебя в тюрьма. Долго спрашивать, кто ты есть. У тебя нет чипа, а вместо него – это, – она показала паспорт. – Они решать, что ты чей-то шпион. Тебя посадить в лагерь, и ты таскать камни много лет.
– Я не шпион, госпожа!
– Знаю. Ты попасть сюда из другого мира. Я могу тебе помогать. Но ты должен помочь мой Дом. Изучи нашу жизнь, посмотри, что в ней не так. Что полезного есть у вас, и что из этого можно применить здесь. Согласен?
– Нельзя изучить вашу жизнь, живя в этих стенах.
– Тебя отвезут, куда нужно. Иди.
Я поклонился и вышел. Сучка! Просто помочь было нельзя? Я бы так поступил. Ладно. Надо вырваться отсюда...

* * *

Сайя проводила чужака взглядом. Не прост, очень не прост. Говорил, цедя каждое слово. Перед этим думал. Что-то скрывает. Как склонить его к сотрудничеству? Если б не дура Лейга...

Сайя прогулялась вдоль стола. Где его разместить? В социальном центре? Там заправляют обновленцы. Им понравится чужак из другого мира. Ему вставят чип, проведут по учетам как невольного мигранта. Случай попадет в прессу, чужаком заинтересуются другие Дома. Кто-нибудь да найдет ключ к его сердцу, но не Дом Сонг. Зачем тогда, спрашивается, она увольняла Лейгу?

Сайя взяла клач. Нашла в памяти нужного абонента и мазнула пальцем. Аппарат мелодично прозвенел, и на экране возникло лицо немолодой женщины.

– Здравствуй, тетя!
– И тебе, Сайя! Вспомнила о старухе?
– И о брате тоже.
– Навещает меня редко, – сообщила женщина. – Весь день на заводе. Мать ему не нужна. Да и ты звонишь редко, – она вздохнула.
– На мне Дом, тетя.
– Понимаю, – женщина кивнула. – Только мне скучно. Прихожу вечером домой, а в нем пусто.
– Я могу тебе помочь. Есть мужчина.

– Интересно, – оживилась женщина. – Завела любовника?

– Нет, тетя. Он из другого мира.

– Ты здорова, девочка?

– Не волнуйся, тетя! Я нашла его в своем парке. По его словам, он попал под удар тока.

Это подтвердил скан. Получил не менее пятисот ворг, но при этом уцелел. Незвестным образом перенесся сюда. У него нет чипа в теле, зато есть это, – Сайя показала паспорт. – Здесь его изображение и текст на неизвестном языке. Наших он не знает. Образован и умен, но при этом скрытен.

– Хм! – сказала женщина.

– Я могу отдать его в социальный центр...

– Тогда его знания пропадут для Дома, – подхватила собеседница. – Понимаю, Сайя.

– Приюти его у себя. Научи читать и писать, заодно внуши благодарность к Дому.

– А сама?

– У меня нет на это времени. Мои слуги отнеслись к нему грубо. Был конфликт с охранницей, а затем – драка. Я ее уволила, но теперь он...

– Не испытывает к вам любви, – усмехнулась женщина. – Сильно пострадал?

– Получил под глазом синяк. Лейге он разбил нос.

– Кай это оценит.

– Не хочу, чтоб брат на него влиял.

– Он меня не навещает. Присылай! Посмотрю, что с ним делать.

– Я люблю тебя, тетя!

– И я тебя, девочка!

Родители мои разбежались и уехали за границу. Сын им мешал, и его оставили в Минске. У мальчика была квартира и счет в банке, куда капали деньги. Достаточно, чтоб жить одному. Тем более что сын взрослый – шестнадцать лет...

Я устоял. Не пил и курил, хотя примеры были перед глазами. Не стал пробовать наркотики и доступных девочек, которые наградили моих приятелей СПИДом. Не впал в меланхолию и не ненавидел мир. Я приспособивался к нему. Чтоб не чувствовать одиночество, постоянно учился. Составлял план-график и выполнял его. Занимался спортом и следил за внешностью. Никаких пивных животов и обрюзгшей морды! Стройная фигура и худое лицо, а еще белозубая улыбка и приятные манеры.

После школы я прошел Централизованное тестирование⁸ и поступил в БГУ⁹. По совету отца изучал химию, по желанию матери – иностранные языки. Было трудно. Мои сверстники жили весело. У них были бары и вечеринки, танцы и любовь. Мне не хватало времени на сон. Зато получил два диплома. Один – университета, второй – с языковых курсов.

Окончив их, я стал жить весело. Химия давалась легко, учеба не напрягала. Я обзавелся подружкой. Лиза собиралась стать журналисткой, она увлекла меня рассказами о профессии. Мы вместе прошли кастинг на телевидении. Лиза его провалила, а меня взяли. Почему? Телевизионщикам плевать, какой у тебя диплом. Главное – уметь делать новости. К тому же им не хватало репортеров-мужчин. Среди тех, кто обучается журналистике, большинство – женщины. А с ними проблемы. Выйдет замуж, родит ребенка – и в декретный отпуск. Замену найти не просто. Вернется – в командировку не пошлешь, ребенок маленький. С мужчинами проще. Мне сказали, что я телегеничный, перед камерой не теряюсь. Плюс знание языков. Английским телевизионщиков не удивить, но чтоб вдобавок немецкий... Так вот и срослось.

⁸ То же самое, что ЕГЭ в России.

⁹ Белорусский государственный университет. Ведущий вуз Беларуси.

С Лизой мы расстались – она не простила мне удачи. А я стал работать репортером. Пять суматошных лет. Хлеб в службе новостей тяжкий. Работа без выходных, постоянные командировки. Но мне было интересно. Я специализировался на экономике. Объездил страну, побывал в других государствах, оброс связями. Меня звали на тусовки. На одной из них я свел знакомство с Николаевичем. Он пригласил меня в банк, я подумал и согласился. Хотелось покоя и денег. Зарплата у репортеров небольшая. Хорошо платят звездам, я в их число не входил.

Что сказать о банке? Видели гон змей? Гляньте, если не вырвет. Это банк. Здесь в любой момент могут сожрать. Подсидеть, заложить, распустить слух. Там, где есть деньги, это норма. Почему я подписался на это? Захотел испытать себя.

В этом мире у меня не было ничего. Квартиры, счета в банке... Я не знал местного языка, здешнего общества. Но зато имел опыт выживания и собирался его применить.

После завтрака меня вывели из дворца. Подогнали автомобиль. Внешне он походил на земные авто пятидесятых годов. В салоне – кожа и дерево. Я сел на задний диван, Грея устроилась за рулем. Загудел двигатель, мы тронулись по проезду. У ворот Грея остановилась и сказала что-то охраннице. Та кивнула и нажала кнопку на стойке. Поползла в сторону створка на колесиках, и мы выехали из узилища.

Я прилип к стеклу. По извилистой дороге мы пересекли лес и выбрались на шоссе. Показали по нему. Я вертел головой. Этот мир походил на земной. Мимо окон проносились возделанные поля с небольшими рощами, показалась и исчезла река. Вдоль шоссе тянулась высоковольтная линия. Встречные автомобили походили на наши. Высокий кузов, прямые стекла. Показался город. Он надвигался и вскоре поглотил нас. Город выглядел непривычно. Неширокие улицы, невысокие дома. В основном пять этажей, редко больше. Светло-серые стены, круглые окна. Во дворах много зелени. Сквозь нее виднелись подъезды и парковки у них. Они большей частью пустовали. Будний день?

Автомобили здесь на электрической тяге – выхлопных труб нет. Электричество двигало общественный транспорт – мы обгоняли трамваи или то, что походило на них. Вагон обшит деревом, к проводу поднимается дуга. Окна круглые, как у самолета. Вдоль дорог тянулись тротуары, по ним шли прохожие. Они куда-то спешили. Среди них были женщины и мужчины – примерно пополам. На душе стало легче. Я стал подозревать, что попал в женский мир. Прохожие были одеты в комбинезоны. Женщины – в основном светлые, иногда – яркие. У мужчин преобладали темные тона. Хорошо, что не наоборот. Не то я чего бы подумал.

Мы вкатили в элитный район. Я понял это по отсутствию многоэтажек. Вокруг было много зелени и высокие заборы, над ними возвышались крыши домов, почему-то с зеленой черепицей. Чтобы с воздуха не бомбили, что ли? Мы свернули в тупик и остановились перед воротами. Грея достала из сумки клач, так здесь называют смартфон. Она что-то сказала, и тяжелая створка поползла в сторону. Автомобиль вкатил на площадку у дома и остановился перед крыльцом.

– Выходить! – повернулась ко мне Грея.

Выходить так выходить. Я открыл дверь и выбрался наружу. Подошла Грея и встала рядом. Я посмотрел на дом. Ничего себе особнячок! Не скажу что очень большой, но весьма приличный. Два высоких этажа и большие окна. Есть лужайка и кусты, между них – дорожки. Что-то я заговорил, как поэт, немножко. Я с трудом сдержал улыбку, мне нельзя смеяться. Как бы мне тут не пришлось плакать и ругаться.

Отворилась дверь, на крыльцо вышла немолодая женщина в светлом платье до колен. Грея напряглась. Женщина спустилась по ступеням и пошла к нам. Грея поклонилась, я, помедлив, повторил.

– Приветствую тебя, госпожа! – произнесла Грея.

– Калоцим тин, дому! – повторил я.

Женщина посмотрела на меня с любопытством.

– Это и есть ваш чужак? – обратилась к Грее.

– Да, – ответила та.

– Как тебя звать? – женщина посмотрела на меня.

– Влад.

– А я – Нейя. Племянница попросила меня помочь тебе освоиться у нас. Ей самой некогда. Ты не против?

– Нет, – сказал я.

– Тогда пойдем в дом. Ты можешь уезжать, – сказала она Грее.

Та вернулась к автомобилю. Загудел электрический мотор, и машина двинулась к воротам. Мы пошли к дому. На крыльце я открыл дверь, пропустив Нейю вперед. Та в ответ царственно кивнула. Мы вошли в просторный холл. Выглядел он роскошно. Светлый камень на полу, деревянные панели на стенах, белые диваны и кресла. Напротив – огромный экран телевизора.

– Покажу твою комнату! – предложила Нейя. Она говорила на сухья, но я ее понимал. Не зря учил.

По широкой лестнице мы поднялись на второй этаж. Посреди него шел широкий коридор, в который выходили двери. Мы зашли в ближнюю. Я узрел широкую кровать. Это гуд. Задолбал меня топчан во дворце. Узко, жестко, в любой момент можно упасть. Во сне я ворочаюсь. Большой стол у круглого окна, кресло на колесиках, в шкафах – книги. Неизменный телевизор на стене.

– Туалет и душ за той дверью, – указала Нейя. – Ты меня понимаешь?

– Да, госпожа, – сказал я. – Но знаю мало слов.

– У меня есть ваш язык, – она извлекла из кармана клач, провела пальцем над экраном. – Что хотите получить?

– Большой клач со словарем. Цифры с буквами. Я хочу понимать ваше время. У вас есть аудиокниги?

– Это что?

– Запись голоса читающих книги людей.

– Найдем.

– И тот же текст на бумаге или на экране.

– Зачем?

– Изучать язык. Буду слушать и смотреть.

– Хорошо, – кивнула она, – хотя мы так не учим. Что еще? У тебя есть другая одежда?

– Нет.

– Я об этом позабочусь. Хочешь есть?

– Только пить. У вас есть бодрящие напитки?

– Церг, – сказала она. – Тебе его принесут.

– Тогда все.

– Жди! – сказала Нейя и вышла.

Я отправился к шкафам, где пробежался взглядом по корешкам книг. Хм, кое-что понятно. «История Орхеи и народа Сухья». Эту книгу я прочитаю первой. А вот это что-то вроде «Арифметики», вон то – «Физика». Книги выглядели потрепанными, до меня их кто-то читал. Кто здесь жил? Не успел додумать, как пришел медведь. Разумеется, не настоящий. В комнату вплыла женщина, походившая на медведя, вставшего на задние лапы. По сравнению с ней тетки в поместье выглядели котятками. В передних лапах «медведь» нес поднос. На нем исходил паром керамический кувшинчик и стояла кружка. «Медведь» сгрузил ношу на стол и отступил в сторону. Вошла Нейя с планшетом. Водрузив его на стол, повернулась ко мне.

– Это Вильга, – она указала на «медведя». – Помогать тебе по дому. Это Влад, – она кивнула на меня. – Он жить здесь.

«Медведь» осклабился и подмигнул. В ответ я улыбнулся. Тетка, кажется, не вредная.
– Встань ровно! – приказала Нейя.

Я подчинился.

Она достала из кармана что-то вроде большой ручки и нажала кнопку. Из конца «ручки» выскочил красный луч. Она провела им по моему телу – снизу доверху. Посмотрела на шкалу, затем мазнула по груди и талии. Опять взгляд на шкалу.

– Закажу тебе одежду, – сообщила Нейя и ушла. Вслед за ней скрылся «медведь». Передвигалась Вильга на удивление мягко и бесшумно.

Я плеснул в кружку из кувшина и отпил. Травяной настой. Вкус приятный, да и запах – тоже. Я оставил кружку. А теперь – планшет...

Полетели дни учебы. Я вставал и делал зарядку. Душ, завтрак, учеба. Через час перерыв. Небольшая разминка на лужайке, вновь учеба. Обед... Мне никто не мешал. С утра Нейя уезжала в офис, и мы оставались с Вильгой. На глаза она не лезла. Сигнал звал меня в столовую, где я ел один. Посуду мыл сам, стирал – тоже. Вильга отвела меня к стиралке, показав, как ей пользоваться. Машина мыла и сушила. Гладить нужды не было, ткань не мялась. Причем это была не синтетика. Позже я узнал, что нити производят из какого-то растения, а потом особым образом ткут.

Бытовую лексику я освоил быстро, пришел черед сложных понятий. Язык легкий. Правописание как в белорусском – пишешь, как слышишь. Есть склонения и спряжения, но они понятные. Оставалось набрать запас слов.

Произношению меня учил телевизор. Я включал его и садился слушать. Смотрел новости. Те не радовали. Этот мир отличался от Земли, причем в худшую сторону.

Эволюция на Орхее пошла странным путем. Местное светило (на сухья – Фло) излучало странный свет. Аборигены впитывали его и могли преобразовывать в энергию. Они становились сильными и выносливыми, могли шарахнуть молнией или оглушить электрическим разрядом. Обладали этими способностями женщины, а вот мужчины – нет. На Орхее царил матриархат. По известному принципу: «кто убил мамонта, тот и главный». Племенами, а впоследствии и странами руководили дамы. Они воевали и созидали, сочиняли книги и научные теории. Они придумали машины и механизмы. Мужики копошились на подхвате. В прежние века их приравнивали к вещам. То есть продавали и дарили, могли поменять на полезные предметы. Мужчины вели дом и занимались неквалифицированным трудом. Только век назад их с большим скрипом признали за людей. Произошло это не по причине человеколюбия. Развивавшейся промышленности требовались квалифицированные кадры. Женщин не хватало, вспомнили про мужчин. Для начала разрешили обучать их в профессиональных училищах. Затем – в вузах. Оказалось, что в технических дисциплинах мужчины превосходят женщин. А их возросший доход стимулирует потребление и, как следствие, развитие производства. Страны, где это поняли, обогнали соперников.

Образованные мужчины стали бороться за права. Возникали партии и движения. Их пытались запрещать, руководителей бросать в тюрьмы. В ответ мужчины объявляли забастовки. Это било по доходам промышленников. Те давили на правительства. В результате большинство стран Орхеи провозгласило равенство полов. Соблюдалось оно со скрипом.

Необычные способности женщин привели к перекосу в технологиях. Например, двигателей внутреннего сгорания здесь не было. Все исследования крутились вокруг электричества. Оно двигало транспорт, широко использовалась в быту и в военном деле. Большинство энергии давало Фло. У городов тянулись поля с установленными на них уловителями света. Имелись тепловые и гидроэлектростанции, но их было мало. Основной задачей ученых стало совершенствование батарей. Они функционировали на физических принципах, емкость получалась небольшой. Легковой автомобиль мог проехать на одной зарядке пару сотен километров – «мергов» по-местному. Да и то, если женщина за рулем. Она работала как живая бата-

рея, получая энергию от светила и сливая ее в бортовую сеть. У мужчин машина ехала меньше сотни мергов, потому в водители их обычно не брали. Грузовик на электрической тяге пробежал без подзарядки меньше сотни километров, поэтому применялся в населенных пунктах. Основным стал железнодорожный транспорт, получавший энергию по проводам.

Из-за этого в бок пошли военные технологии. Боевой единицей стала женщина в доспехах. Для начала – просто в стальных, а с развитием технологий – в механизированных. Вместо танков по полям шли бронеходы, то есть виденные мной «роботы». Бронеход с женщиной мог пройти сотню километров. Это без участия в бою. Молнии жрали энергию. Зато они прожигали металл – правда, с близкого расстояния. Из-за этого армии сходились в ближнем бою. У кого толще броня и сильнее молнии, тот и побеждал. Военная мысль концентрировалась на совершенствовании бронеходов.

Огнестрельного оружия не имелось вовсе. Были рельсотроны – здоровенные устройства, разгонявшие болванки электрической энергией. Ее они жрали прорву. Рельсотроны требовали высоковольтной линии, потому применялись стационарно.

На Орхее воевали, и последняя война кончилась плохо для Сухья. На нее напал соседний Курум. Причиной стала конкуренция на планетарном рынке. Курум теснил Сухья. Его продукция была дешевле и лучшего качества. Правда, не всегда. Прежде доминировали сухья. Но у них случился переворот. Объективных причин для него не было. Экономика страны успешно росла, вместе с ней – и уровень жизни. Равенство полов дало эффект. Но оно раздражало военных. Армия у сухья была кастой, в ней служили женщины. Среди них процветали однополые отношения, культивировалось презрение к мужчинам. А тут гадкие муримы рвутся к власти. Одного даже избрали в Высший Совет. Не допустим!

Генеральши вывели на улицы бронеходы. Отстранив от власти Высший Совет, создали хунту. Та отменила равенство полов, объявив о превосходстве женщин. Дескать, они соль земли. А мужчины – быдло. Их изгнали с руководящих постов и, что самое печальное, в производстве. А ведь там они достигли успехов. Не имея возможности служить в армии, мужики шли в промышленность. Они совершенствовали машины и изобретали новые. Тетки объявили это ересью. Мол, не может какой-то мурым создавать технику лучше женщин. Мужиков в Сахья опустили на уровень скота, чем воспользовались курумцы. Там давно поняли выгоду равенства полов. Поощряли обучение мужчин, принимали их на предприятия. В Сахья потянулись вербовщики из Курума. Они предлагали заманчивые условия. В Курум потек поток эмигрантов. Генеральши прохлопали этот процесс. Поначалу смеялись: пусть едут! Воздух в стране станет чище. Спихватились, когда Курум, получив приток специалистов, поднял уровень производства, а в Сахья появились проблемы. Оказалось, не все женщины-инженеры лучше мужчин. Многие даже хуже. Эмиграцию запретили. Но она продолжалась тайно. Ручейки беглецов тянулись к границе. Переходили ее ночью. Большинство ловили и отправляли обратно. Затем стали сажать в тюрьмы, но процесс набрал силу. Недовольство хунтой росло. Теперь обвиняли ее в проблемах и женщины. У них уезжали братья и сыновья, возлюбленные и супруги. Власть хунты зашаталась. И она не нашла ничего лучшего, как устроить победоносную войну.

На границе случился инцидент. Группа беглецов перешла ее и углубилась на территорию Курума. Им вдогон устремились бронеходы. Но навстречу вышли машины Курума. В небольшой стычке они выдали вторгшимся звездюлей. Генеральши мобилизовали армию. В ответ Курум придвинул к границе свою. Закипели стычки, а потом случилось генеральное сражение.

Генеральши надеялись на победу. У них было больше бронеходов, их вели бой лучшие из лучших. Соль земли, ее альфа и омега. Так твердила пропаганда. Бронированный строй сахья двинулся на курумцев. Генеральши шли в первых рядах. Они желали овеять себя славой. Поначалу шло как по маслу. Сахья разнесли в клочья жидкий строй врага и погнало его назад. Курумцы бежали. Сахья мчались вслед, не заметив, как вынеслись к укреплениям. Их курумцы

соорудили заблаговременно. Подтянули к границе высоковольтные линии и поставили рельсотроны. А вперед выслали жидкий заслон, к которому бежать после стычки.

Беглецы скрылись за укреплениями, а в сахья ударили рельсотроны. Металлические болванки, разогнанные электрическим полем, валили бронеходы на землю. Проламывали их защиту, разбивали опоры и манипуляторы. В считанные минуты армия Сухья перестала существовать. Сначала как боевая единица, а затем – и физически. К побежденному врагу вышли бронеходы курумцев. Пленных не брали. Тех, кто сдавался, убивали молниями. Добивали тех, кто успел выбраться из машин. Проблему с Сахья Курум решал окончательно.

После бойни победители двинулись на столицу врага. Передвигались не спеша. Зачем утомлять воинов? Армии у противника нет, столицу защищать некому. Она упадет, словно спелый плод, вместе с ней – и страна. Ее можно пограбить. Вывезти ценности и специалистов, заставить их работать на благо Курума. Устранить конкурента, низвести его в нищету, превратив некогда сильную страну в сырьевой придаток, – таков был план победителей.

Олигархи Курума потирали руки. Они руководили страной и определяли ее политику, они мечтали о гегемонии на Орхее. Погрести под свое влияние страны мира, диктовать им условия – таковы были их устремления. Сахья этому мешала. И вот теперь строптивой приходит конец.

Курум повторил ошибку противника. Сначала хунта недооценила врага, а теперь тот проявил беспечность. Воины у Сахья нашлись. Недовольные политикой хунты были и в армии. Их отправляли в штрафную часть и держали под присмотром. В бой штрафников не повели. Зачем делиться славой с отбросами? Самим мало...

«Отбросы» оказались решительными. Получив весть о разгроме, они отстранили назначенных командиров и выдвинули из своих рядов новых. Объявили о переходе власти к Комитету спасения, отмене декретов хунты. Пообещали вернуть равенство полов и призвали жителей страны встать на защиту Родины.

Удивительно, но им поверили. Может, оттого, что в стране знали о штрафной части и то, за что туда попадают. Но, скорей, сработало другое. У штрафников были мужчины. Возлюбленные и мужья, братья и отцы. Они выступили в поддержку родных. Призыв нашел отклик. В считанные дни к подступам столицы протянули высоковольтные линии. Кабель клали в землю, закрывая его дерном. Возводили и маскировали доты. К рельсотронам ставили мужчин – женщин посадили в бронеходы. Большинство их были списанным старьем, но вполне рабочим. Много женщин прошли армию, так что пилоты нашлись. Теперь они возвращались на службу. За несколько дней в Сухья появилась армия – не совсем обученная и вооруженная старьем. Но ее вели в бой решительные командиры. Армия собиралась умереть, но не пустить врага в город.

Дорога, по которой двигались колонны врага, перед столицей проходит между высоких холмов. На их склонах и возвели дзоты. Оставалось заставить противника войти в дефиле. Перед ним встала цепочка бронеходов. Их задачей было изобразить сопротивление, заставив противника поверить, что перед ним – последние защитники. Было ясно, что заслон – смертники. Тем не менее они нашлись. В цепь встали члены Комитета спасения и другие штрафники. Только двое офицеров руководили обороной в тылу, да тех принудили к этому товарищи.

Курумцы подошли к дефиле днем. Обнаружив врага, развернулись в боевые порядки. Он представлял собой плотно сбитый строй бронеходов. Развернуться не позволяла местность. Да и зачем? Сейчас они снесут горстку защитников и ворвутся в город. Ну а там начнется грабеж. Командиры это пообещали.

Бронированный вал ударил в жидкую цепь. Штрафники дрались насмерть. Она гибла, но уничтожала врага. Устилая путь бронеходами, тот втянулся в дефиле. И когда заполнил его до конца, заработали рельсотроны. Они били в упор. Металлические болванки рвали броню и крушили опоры. Бронеходы падали на землю. Дверцы на их спинах открывались, пилоты вылезали наружу и попадали под прицельный огонь. У гарнизонов дзотов насчет этого имелся

особый приказ. Бронеход можно построить новый, а вот пилота сразу не родишь. Его нужно учить. Болванки рвали врагов на куски. В короткое время курумцы потеряли половину бронеходов.

Но они были еще сильны, да и воевать умели. Первым делом они решили подавить огневые точки врага. Бронеходы ринулись к холмам. Добежали не все, зато те, которые прорвались, врага не щадили. Доты замолчали. Не успел Курум перевести дух, как в дефиле ворвались бронеходы ополченцев. И их было много, в разы больше, чем врагов...

У курумцев был шанс. Им следовало принять бой. Пусть сахья больше, но ополченец против опытного пилота – аргумент слабый. Но Курум понес тяжелые потери. Пилоты не знали, что в бронеходах – ополченцы. Как и то, что их машины – списанное старье. Курумцы видели, как дефиле затопляют бронеходы врагов, и что их очень много. Они побежали.

Ополченцы гнали их до вечера. Догоняли, били молниями в спины, прожигая броню. Перепрыгивали и бежали дальше. Только ночь прекратила избиение. Без светила не работает живая батарея, а основные разрядились. Это спасло часть курумцев. В основном тех, кто добежал до отставшего обоза. Там они бросили бронеходы и залезли в автомобили. Понеслись на них к границе. У Сахья машин не оказалось. Утром им доставили батареи, но преследовать врага было поздно.

Разгром не привел к победе над Курумом. У него еще оставались войска. Наступать силами ополчения выглядело безумием. Бронеходы Сахья вышли к границе, и закрепились на ней. Начались переговоры, которые закончились перемирием. Оно не разрешило конфликт. Стороны готовились к реваншу...

В Сахья провели выборы. На них победили уцелевшие штрафники. Они объявили политику Обновления, для начала отменив разделение по половому признаку. Его пропаганду объявили преступлением. Но мир в обществе не наступил. Слишком долго хунта промывала людям мозги. Идеология «традиционных ценностей», проповедовавшая превосходство женщин, оказалось живучей. Общество разделилось на «традиционалов» и «обновленцев». За вторых стояло государство, в рядах первых оказались многие силовики. «В войне победили женщины! – утверждали они. – Они вели бронеходы. При чем здесь муримы?» В ряды силовиков влились изгнанные с постов назначенцы хунты. Нередко их заменяли мужчинами, а это пробуждало ненависть. Добавьте проблемы в экономике...

Хунта опустошила бюджет. Наклепала бронеходов, призвала на службу много пилотов. Все пошло прахом. Бронеходы превратились в металлолом, пилотов похоронили. Заключи Сахья полноценный мир, это пережили бы. Провели бы конверсию производства, перешли бы на мирную продукцию. Но Курум мира не хотел, и Сахья готовилась к войне. В результате упал уровень жизни. Это вызывало недовольство. Страна кипела. Вот в этот гадючник я и вляпался.

4

Шли дни. Я уже уверенно говорил на сахья. Нейя с Вильгой перестали пользоваться переводчиками и хвалили мое произношение. А передо мной все отчетливее вставал вопрос: что дальше? Как найти себя в этом мире? Кем работать и, главное, где? Жить из милости я не хотел.

Нейя советовала не спешить, изучить местные условия и найти профессию. Мои не подходили. Пресс-секретарю нужно иметь связи, журналисту – знать страну. У меня не было ни первого, ни второго. Я это прекрасно понимал, и, если быть честным, не рвался. Местные СМИ вызывали тошноту. Новостные выпуски представляли собой рапорты о достижениях народа и его мудрого руководства. Еще сообщали о проблемах в Куруме. Дескать, люди там не доедают. Мы этим возмущены и требуем: все, что они не доедают... Питались в Сахья скудно. Я жил в доме владелицы крупнейшей промышленной компании в стране. Но на стол ей подавали кашу и овощной суп, иногда – хлеб и мясо. У себя я его ел каждый день. Я спросил Вильму: почему так?

– Все по карточкам, – объяснила она. – А там норма.

– Даже для богатых?

– Для них тоже. Можно покупать на свободном рынке. Но там еда стоит дорого. Деньги у нас есть, только Нейя не желает. Мы должны жить как все.

– На меня карточки дают?

– У тебя нет чипа, – покрутила головой Вильга. – Не положено.

Я вдобавок их объедаю. Вот позор... Что делать?

Проблема разрешилась сама. В один из дней, возвратившись с тренировки, я застал в комнате незнакомого парня. Он сидел, развалившись, в кресле и грыз яблоко. Увидев меня, бросил огрызок в корзину и поднялся. Ничего себе паренек! Ростом выше меня, косая сажень в плечах. Лицом, правда, не вышел, некрасивое оно у него. Нос длинный, губы тонкие, подбородок острый. Зато одет хорошо. Не привычный комбинезон, а костюм-двойка из дорогой ткани. Только вместо пиджака – китель с отложным воротником.

– Меня зовут Кай, – улыбнулся парень. – Я сын Нейи. Ты Влад?

– Да, – сказал я.

– Перенесся к нам из другого мира?

Я кивнул.

– На вид не скажешь, – покрутил он головой. – Как тебе у нас?

– Плохо.

– Почему?

– Все чужое.

– Это да, – согласился он. – Но деваться некуда. Кем ты был у себя?

– Журналистом.

– На заводе не работал?

– Не пришлось.

– Плохо, – сказал он. – Не то взял бы к себе. У меня завод электродвигателей. Понимаешь в них?

– Ни бум-бум.

– Ни бум-бум? – засмеялся он. – Говоришь странно. Хотя речь правильная.

– Учю язык по книгам.

– Этим? – ткнул он в шкафы.

– Да.

– Мои учебники. Я здесь жил. Но когда вырос, съехал. Не хочу жить у матери под фар-туком. Одобряешь?

- Да, – кивнул я. – Сам жил один.
- Тогда поймешь, – кивнул он. – Не желаешь съездить в город? Заскочить в ресторан?
- У меня нет денег, а еще чипа. Меня могут задержать.
- Только не со мной, – усмехнулся он.
- Я приму душ и переоденусь.
- Подожду, – сказал он и достал яблоко из кармана.

Через пять минут мы спустились во двор. У ворот стояла машина. Если та, в которой меня везла Грея, походила на советскую «Победу», то эта – на «Мустанг» 60-х годов. Двухместное купе с узким, длинным силуэтом. Окрашена в серебристый цвет.

– Собирали на заказ, – объяснил Кай и полез в машину. Я устроился рядом. По привычке захотел пристегнуться, но ремней не нашлось. Кай нажал кнопку, двигатель загудел. Поползла в сторону створка ворот, «Мустанг» выкатил наружу и рванул с места.

– Максимальная скорость – сто пятьдесят пять мергов, – похвалился Кай. – Жаль, что здесь столько нельзя. Как-нибудь прокачу по шоссе.

В поворот он вошел с креном, едва не протаранив трамвай. Разминулись мы чудом. Трамвай возмущенно загудел.

– Смотреть надо! – засмеялся Кай и обогнал попутный автомобиль. – Ползаете, как черви.

Я вцепился в ручку над оконным стеклом. Теперь мысль прокатиться не казалась мне привлекательной. «Мустанг» мчал по столице, накрываясь, входил в повороты. Птичкой взлетал на подъемы, а затем несся вниз.

– Хорошо пишешь и читаешь? – спросил Кай.

– Да, – подтвердил я.

– Тогда едем центр, – сказал он и свернул направо. «Мустанг» подкатил к трехэтажному зданию с большой вывеской на фасаде. «Социальный центр № 4 города Мея», – прочел я. Что такое Мей? Столица государства Сахья. Я об этом не говорил? Ну, так знайте.

Машин у здания стояло мало, и мы подкатили к самому крыльцу.

– Идем! – сказал Кай и отключил двигатель.

Мы поднялись на второй этаж. Кай уверенно вел меня коридорами. По всему было видно, что здесь он бывал. Навстречу попадались служащие в форме. При виде нас они кланялись.

– Прихожу сюда за работниками, – объяснил Кай, когда очередной служащий отвесил поклон. – В центры обращаются перемещенные лица, эмигранты из других стран, люди, потерявшие близких. Они ищут кров и заработок. У меня это есть. Нахожу с нужной специальностью и беру, поселяю в общежитии и даю зарплату. Дальше сами.

Он толкнул створку двери. «Директор», – прочитал я на табличке. Слово было, конечно, другим, но суть та же. В просторной приемной за столом за столом сидел какой-то невзрачный мужичок. Увидав нас, он поспешно вскочил.

– Домин Кай?!

– У себя? – небрежно спросил мой спутник.

– Дому Клейга примет вас непременно, – сообщил мужичок и скользнул в резную дверь.

«Дому» означает «большая госпожа». А «и» краткое в имени – принадлежность к аристократии. Здесь она делится на Дома, потому и обращение такое. Ну и буква «й» в имени. У моего спутника она есть. У матери и двоюродной сестры – тоже. Дома представляют собой касту. Браки заключали преимущественно между собой. Хотя новые времена принесли перемены. Благородная дама может выйти за простолюдина, тогда дети сохраняют титул. Он наследуется по женской линии. Нужно объяснять почему? А вот мужику с кратким «и» в имени брать нужно аристократку. Иначе дети теряют титул. На мой взгляд, ерунда, но здесь за этим следят.

– Дому Клейга ждет вас! – сообщил возникший в приемной мужичок.

Мы вошли в открытую дверь. Неплохой такой кабинет у директора! Метров сорок, если не больше. Деревянные панели на стенах, мрамор на полу, монументальный стол. У стены роскошный диван. Нам навстречу встала средних лет женщина. Чуть поменьше Вильги, но тоже громадная.

– Домин Кай?

– Счастлив видеть! – поклонился мой спутник. Я немедленно повторил. – Вы невероятно хороши, дому. Впрочем, как всегда.

Я едва сдержал улыбку.

– Не смущай меня, мальчик! – погрозила женщина. – Лъстец!

Но лицо ее показало, что комплимент попал в цель.

– Чем обязана визиту?

– Небольшое дельце, – сообщил Кай. – Моего спутника зовут Влад, он талантливый инженер. Изобрел замки с необычными секретами. Я пришлю их на пробу. Вам понравятся.

– Присылай, – кивнула Клейга.

– Влад приехал с Дальнего Континента, там его не оценили. Хочет жить у нас. Язык знает.

– Без проблем, – развела она руками.

– У него нет чипа. Я ручаюсь за него.

– Сейчас! – кивнула тетка и прошла к столу. Нажала кнопку.

– Принеси бланки прошений! – сказала в микрофон.

В кабинет скользнул знакомый мужичок с листками в руках. Положил их перед начальницей.

– Подожди, Клем! – приказала Клейга и протянула листки мне. – Заполняй!

Кай сунул мне перьевую авторучку – шариковых здесь нет. Я присел и придвинул к себе листки. Так. «Прошение. Я, имя и фамилия (отчество здесь по понятным причинам не существует), прибывший из... по профессии... возраст... прошу разрешить мне проживание в государстве Сахья. Обязуюсь соблюдать его законы и указания должностных лиц. Дата, подпись...» Всего-то?

Я скрутил с авторучки колпачок и стал водить пером по бумаге. Влад Хома... Вообще-то Владислав Хомич, но здесь в ходу короткие имена. А Хомой меня дразнили в школе. Прибыл с Дальнего Континента, инженер, 29 лет. 25-й день пятого месяца 1043 года от явления божественной Нихья. Подпись. Я протянул заполненный листок Клейге.

– Быстро! – оценила она и добавила, пробежав глазами: – Грамотно.

Она взяла у меня ручку и начертала в углу листка резолюцию.

– Отведи! – сунула листок Клему.

Тот указал мне на дверь. Мы вышли в коридор, поднялись на третий этаж и вошли в комнату со стальной дверью. Там хмурая тетка забрала у Клема листок, положила его стол и запорхала пальцами по клавиатуре компьютера. Здесь он называется «кляч». Есть кляч большой, средний и малый. По нашей классификации ноутбук, планшет и смартфон.

Женщина закончила набирать текст и взяла какой-то прибор, похожий на электрическую отвертку. С компьютером его соединял провод.

– Обнажите левое плечо!

Я стянул рукав комбинезона. Тетка приставила жало «отвертки» к коже. Легкий укол и шипение.

– Одевайтесь!

Мы с Клемом вернулись в кабинет. Там Кай любезничал с хозяйкой.

– Сделали? – спросила она у Клема.

– Да, дому.

– Подойди! – велела она мне. Я приблизился. Клейга извлекла из стола небольшой прибор наподобие приемника банковских карт на платежных терминалах. Пробежала пальцами по кнопкам.

– Активировала чип, – объяснила мне. – Добро пожаловать в Сахья, Влад Хома! Государству нужны хорошие инженеры. Да еще такие молодые и красивые. Так, Кай? – повернулась она к моему спутнику. – Будь я помоложе...

– Вы и сейчас хоть куда! – заверил Кай. – Спешно забираю Влада. Не то муж ваш меня убьет. Я на его месте так бы и поступил.

– Лъстец! – погрозила ему Клейга. – Забирай. Статус объяснишь сам. Когда будут замки?

– Завтра, – сообщил Кай и указал мне глазами на дверь.

– Благодарю вас, дому! – поклонился я и вышел. Кай догнал меня в коридоре.

– А? – сказал довольно. – Видел? Полчаса – и ты полноправный житель Сахья. Можешь жить и работать.

– Почему ты соврал? – не сдержался я. – Какой из меня инженер?

– Это как считать! – хмыкнул он. – Сайя передала мне ключи. Попросила посмотреть: есть ли интерес? Я собрал специалистов. Они определили, что ключи от неизвестных на Орхее замков. Секретность невероятная для Сахья. Мы воспроизвели замки по ключам. Получилось отлично. Думаю, будут брать. На замки спрос большой.

Шустрые здесь ребята. И грамотные. По ключу сделать замок...

– Я спросил Сайю: кого благодарить? Неохотно, но сказала про тебя. Вот я и отблагодарил, – улыбнулся он.

– А деньгами можно? – спросил я.

– Будут! – пообещал он. – Когда пойдет прибыль. А пока предлагаю ресторан. Есть хочется.

Мы спустились во двор и сели в машину. Через несколько минут прикатили на тихую улочку. По сторонам ее красовались вывески ресторанов и кафе. Что-то наподобие бар-стрит Зыбицкой в Минске. «Мустанг» катил по брусчатке, Кай шарил взглядом по вывескам. Внезапно затормозил.

– Пойдем!

Мы вышли из машины и приблизились к стеклянной двери. Кай указал пальцем на приклеенный к ней листок. На нем было стилизованное изображение мужчины, вроде тех, что рисуют у нас на дверях туалетов. Фигуру перечеркивала жирная полоса.

– Опять! – Клай выругался. – Вот что, Влад! Сейчас мы войдем и сядем за стол. Говорить буду я. Ты сидишь тихо. Понял?

Я кивнул. Кай толкнул дверь, и мы вошли внутрь. Посетителей в ресторане было немного. Пара женщин у стойки, еще пятеро – за столиком в отдалении. Они уставились на нас. Взгляды дам не излучали дружелюбия. Не обращая внимания, Кай прошел к столу в центре и опустился на стул.

– Сейчас выпьем и поедим! – объявил громко. – Садись, Влад! Интересно, чем тут кормят? Официант?

К нам подошла хмурая женщина. Одета она была в платье и белый передник.

– Меню! – приказал Влад.

Официантка, ничего не сказав, удалилась. Зато подошла здоровенная тетка из тех, что сидели за столом. Нависла над Каем.

– Ты слепой, мурим?

– У меня хорошее зрение, тофу, – сообщил Кай. – С детства.

– Видел на двери листок?

– Там какой-то знак, – кивнул Кай. – Только я не разобрал.

– Означает, что муримам сюда нельзя.

– Почему, тофу? – изумился Кай. Вот актер!

– Потому что вы грязные и вонючие. А еще волосатые и тупые.

– Это не так, тофу! – возразил Кай. – Я вчера мылся. Или позавчера? Ну, неделю назад точно. Я чистый и совсем не волосатый. Могу показать.

Он стал закатывать рукав кителя.

– Не доходит, тупица?!

Тетка замахнулась. Ее кулак пролетел над головой Кая – он ее своевременно пригнул. А затем сделал движение стопой. Тетка грохнулась на пол. Подсечка, да еще сидя. Ловко!

– Драка в ресторане «Рельсотрон» на Круговой! – Кай заговорил в вытащенный клач. – Нападение на посетителей! Прошу выслать Охрану!

Тетки за столиком вскочили и побежали к нам. Кай принял стойку. Я вскочил и встал рядом. Он глянул одобрительно.

Подбежавшая тетка попыталась ударить Кая ногой. Он подбил ее лодыжку стопой. Тетка шлепнулась на задницу. Вторая двинула меня кулаком в челюсть. Я отклонился и залепил ей основанием ладони в подбородок. Голова тетки дернулась, и она повалилась на пол. Кай тем временем пробил в солнечное сплетение третьей. Я перехватил у четвертой кулак и провел классическую «мельницу». Тетка смачно приложилась о пол спиной.

Я повел взглядом. От стойки двигались официантки. Они держали подносы, подняв их над головой.

– Стоять! – рявкнул Кай. – Нападение на члена Военного Совета страны – это пять лет каторги. Хотите дороги мостить?

Официантки остановились.

– А вы – лежать! – приказал Кай пытавшимся встать теткам. – Иначе применю парализатор. Пару дней будете отходить.

Он вытащил из кармана предмет, походивший на фонарик. Тетки замерли.

– Подожди меня в машине! – повернулся ко мне Влад. – Дальше сам справлюсь.

Я кивнул и вышел. Через несколько минут приехал фургон Охраны. На его крыше мигали красные и зеленые фонари. Из фургона выбрались тетки в форме и побежали в ресторан.

Ждать пришлось с полчаса. Наконец, из дверей показалась процессия. Тетки в форме вели напавших на нас. Запястья задержанных сковывали наручники. Следом шел Кай. Одна из Охраны сорвала с двери листок со значком. Арестованных погрузили в фургон, и он укатил. Кай сел в машину.

– Извини, что заставил ждать, – развел он руками. – Охрана не верила, что напали на нас. Пришлось смотреть запись.

– В ресторанах ведется наблюдение?

– Разумеется. Это обязательное условие. Как потом разобраться, кто напал?

– И что им будет?

– Этим, – он ткнул пальцем в сторону уезжавшего фургона, – по десять суток ареста. Мой законник проконтролирует. Ресторан закроют. Нарушение закона о половом равенстве. Будут знать!

– А с чего они?

– Традиционалы! – махнул рукой Кай. – Обнаглели совсем. Знак «Муримам вход воспрещен» повесили. Тупицы! А ты молодец! – улыбнулся он. – Умеешь драться.

– Вильга учила.

– И меня, – кивнул он. – Давай без церемоний. Говори мне «ты».

– Хорошо, Кай! – сказал я. – Хочу спросить. Эти тетки могли ударить нас молнией. Почему не стали?

– Электрический разряд приравнивается к оружию. За него отправляют на каторгу.

– Ты действительно член Военного Совета?

– Мой завод производит двигатели для бронеходов. Военные их закупают. Я вхожу в Военный Совет как представитель промышленников. Хватит о делах! – подмигнул он. – Поедем, поедим!

Клай отвез меня к ресторану, где потребовал кабинет. Нас туда отвели. Официант-мужчина оставил стол блюдами. В них было много мяса – отварного и жареного, с овощами и кашей. А еще хлеб. Свежий!

Я набросился на еду. Во-первых, проголодался, во-вторых, надоела каша с овощами. Так что жрал. Да и Кай не отставал. Наконец, мы насытились и откинулись на спинки стульев.

– Благодарю, – сказал я. – Давно так не ел.

– Только каша и овощной супчик? – засмеялся он.

Я кивнул.

– Узнаю мать! «Мы должны жить, как все!» – процитировал он и вздохнул. – Из-за этого и сбежал. Почему я не могу позволить себе поесть? У меня есть деньги, и я их заработал. Работникам плачу. Нет же... – он вздохнул.

Я кивнул. Кай прав. Надоел этот скулеж. «Почему мы бедно живем, у нас низкие зарплаты, куда смотрит начальство?..» А сами? В Минске мне завидовали коллеги. Мол, пролез в банк, гребет деньги лопатой. Почему вы не лезли? Вакансия на сайте банка висела. Нужно знать иностранные языки? Так учите! Трудно? Но я же смог? Зато не шлялся по барам и не лил в себя пиво на диване у телевизора. Меня как-то спросила коллега: как я везде успеваю? Не только снимаю репортажи, но занимаюсь спортом и много читаю? Где взять время? Я довел до нее свой график. Спать ложусь в два, встаю в семь. Посоветовал перенять.

– А когда жить? – возмутилась она. – Это ж каторга!

Я пожал плечами. Что ответить? Неглупая журналистка, но начальником ей не стать. Зато каждый вечер проводит у телевизора. Сериалы обсуждает с подругами. Ей так нравится.

– Мамой я горжусь, – вдруг сказал Кай. – Слышал про сражение у столицы?

Я кивнул.

– Она была в ополчении. Ее бронеходу перебили опору. Он упал прямо перед курумцами. Они бросились добивать. Но подоспела Вильга, отогнала их, а мать вытащила. А вот тетю не смогла... – Кай помолчал. – Сестра стала сиротой.

Я почувствовал, что хренею. Олигархи защищали столицу? Влезли в бронеходы и пошли воевать? Я представил себе Николаевича с автоматом. Как он берет каску и встает в строй... Ага, счас! Мигом убежит. Да еще деньги со счетов за границу переведет...

– А ты воевал?

– Не пустили, – вздохнул он. – Мне пятнадцать было. Отвезли к тете в поместье и велели защищать Сайю. Сестра младше на три года. Там поставили рельсотрон, подключили линию. Мы дежурили у ворот. Но курумцы не пришли...

Он помолчал.

– Об этом фильм сняли. Видел?

Я покрутил головой.

– Первая серия вышла. В Сети есть.

– Посмотрю, – сказал я.

– А теперь о деле. За замки будешь получать один перг с прибыли.

Перг – это процент. Мало.

– Если б принес чертежи, было б два, – сообщил Кай. – С образцом – три. А так все сделали мои люди. Но ты не переживай. Наши посчитали спрос, получать будешь двести нулов в месяц. Это минимум.

Ага! Нул – местная валюта. Тяжелая, к слову. У дворника зарплата – сто нулов. Здесь за них можно прожить. Шиковать не будешь, но и с голоду не помрешь. Инженер на заводе получает от трехсот нулов. Так что грех жаловаться.

– Почему вы занимаетесь замками? – спросил я. – Говорил-то про двигатели.
– Спрос на них упал, – объяснил Клай. – Машин покупают мало. У людей нет денег. Все из-за этой войны, – он вздохнул. – Ищем дополнительный доход.
Я вспомнил пустые стоянки у подъездов. И движение в городе небольшое. Теперь ясно.
– А у нас на улицах пробки, – сообщил Каю. – Порой стоишь час.
– Ваши двигатели лучше?
– Электрические – нет, – покрутил я головой. – То же, что и здесь. Батареи слабые, надо часто заряжать. Стоят дорого. Электрических машин мало.
– Есть и другие?
– Море. Ездят на бензине и солярке. А еще газ.
– Расскажи! – оживился он.
– Ручку дай! – попросил я и придвинул бумажную салфетку. Начертал на ней схему двигателя внутреннего сгорания. Рассказал, как ходят в поршнях цилиндры, про впрыск топлива. Сообщил про коленвалы и шатуны. Примитивная схема из учебника. Кай внимал.
– Эти двигатели лучше? – спросил, когда я смолк.
– Электрические проще. Они не загрязняют атмосферу.
– Тогда почему эти?
– Появились раньше. Конструкция отработана. И у них есть важное достоинство: едут, сколько пожелаешь. Только заливай топливо.
– Расскажи мне про него.
Я взял чистую салфетку. Начертал ректификационную колонну. Крекинг¹⁰ – наше все. В Беларуси два огромных нефтеперерабатывающих комплекса. Специалистов для них учат в вузах, это популярная специальность. Нефть есть и здесь. Из нее извлекают смазочные масла, оставшийся продукт сжигают на тепловых электростанциях. Для того, собственно, их и строят. Я изобразил схему установки непрерывного крекинга нефти, рассказал, как работает термический и каталитический методы.
– Но простой бензин можно получать и перегонкой, – завершил лекцию. – Выход будет меньше, октановое число – небольшим. Но простым моторам сгодится.
– Напиши мне про это! – сказал Кай. – Заплачу.
– Сколько?
– За моторы – пятьсот нулов. За бензин еще столько. Итого тысячу.
А неплохо так...
– Я мало знаю.
– Все, что вспомнишь. Когда ждать?
– Хоть сегодня.
– Тогда делай! Текст шли мне на почту. Адрес дам.
Он забрал ручку и начертал адрес на салфетке. Электронная почта здесь есть. Только я не пользовался – некому писать.
– Файл (он сказал: «Куч») обязательно зашифруй. Пароль, – он помедлил, – «бензин». Здесь не знают этого слова. Высылай, как только напишешь. Я ложусь поздно.
– По рукам! – сказал я. – Не будем терять времени.
Кай отвез меня в особняк. В своей комнате я включил планшет и придвинул клавиатуру. Ну, поехали! «Виды двигателей внутреннего сгорания»...

¹⁰ Разделение нефти на продукты.

5

Получив права, я купил старый «опель», на другое денег не хватало. Машина устала жить и норовила умереть. Приходилось ездить по СТО. Автослесари обожают разводить на бабки лохов. Только я не промах. Заходил на форумы, где общался с опелеводами. Получал добрые советы и рекомендации, и спустя год мог давать их сам.

Я не ремонтировал машину сам. Разве что по мелочи. Заменить свечи и колодки, воздушный фильтр. Но зато я знал, что в «опеле» неисправно. Говорил это на СТО и ни разу не ошибся. Изучить одну машину можно и дилетанту.

Я накачал десять страниц. Зашифровав файл, отправил его Каю. После ужина занялся крекингом. Кроме описания процесса изобразил схемы установок. Планшет имел программу, позволявшую рисовать стилусом. Трудности возникли с лексикой – в языке сахья не хватало терминов. Пришлось использовать описания. Зашифрованный файл улетел по адресу, а я пошел спать.

После завтрака прилетел Кай. У него были красные глаза.

– До полуночи читал, – объяснил он и достал деньги. – Держи! Все, как обещал. И открой в счет в банке! С чипом это не проблема. Я не буду возить тебе каждый раз плату.

Выглядел он раздраженным. С чего? Денег жалко? Я поблагодарил и пообещал. Он уехал, а я пересчитал купюры – ровно тысяча. Не обманул. Глядишь, и за замки капнет.

Разговор выбил меня из колеи. Учиться не хотелось. Я полез в местный интернет. Здесь он называется Информаторий. На земной похож мало. Никакой глобальной паутины, только местная. Социальных сетей нет. Личный сайт можно открыть с разрешения надзирающего органа, а тот их неохотно дает. Но информация в Сети много. Есть и электронные библиотеки. Они платные и бесплатные. Кстати, заплатить просто. Компьютер опознает личный чип, и после скачивания с твоего счета снимут деньги. Сумма делится между автором и продавцом. То же с фильмами и музыкой. Нет чипа или счета? Фиг скачаешь. Пробовал.

За фильм, который хвалил Кай, денег не просили. Прочитав текст, я догадался о причине. Государственный заказ. Фильм воспевал героизм защитников Сахья – женщин и мужчин. Недвусмысленный подтекст. Если вместе проливали кровь, то зачем делимся по полу? Надо жить дружно!

Я включил просмотр. Через два часа встал с затекшей шеей. Картину сняли нетипично хорошо. На ее фоне остальные смотрелись убого. Кинематограф здесь молодой, возник позже телевидения. Почему? На Земле первой появилась фотография. Для начала – на стеклянных пластинах. Потом изобрели пленку и, как следствие, возможность запечатлеть на нее движущиеся объекты. Здесь пленки нет. Электронные технологии идут впереди химии. Она здесь не развита. С появлением телевидения возникла проблема контента, тогда и начали снимать.

Местный фильм представлял собой театральную постановку, запечатленную на электронном носителе. Статичная камера, общий план, редко – крупный. Сюжеты никакие. «Битва за Сахья» оказался совершенно другим. Его снял новатор. По масштабу фильм походил на эпопею «Освобождение». Те же планы и размах, совещания в штабах и батальные сцены. Красной нитью – судьбы главных героев. Фильм честно показал приграничное сражение. На экране шеренгами падали бронеходы Сахья. Вдоль поверженных шли курумцы и добивали уцелевших. От такого сжимались кулаки. Разгром завершал первую серию. К съемкам второй только приступили.

Я подивился смелости режиссера. В СССР не решились снять разгром Красной армии в пограничных сражениях. «Освобождение» начиналось с Курской дуги. Потом были Киев, Минск и Берлин...

Режиссером фильма числилась некто Кея Дон. Поискал информацию о ней. 42 года, театральный режиссер. В составе ополчения сражалась за столицу. Сценарий к фильму написала сама, к слову, не идеально. Диалоги слишком сухие.

На сайте студии я наткнулся на объявление. «Съемочная группа фильма «Битвы за Сахья» производит отбор актеров-мужчин для второй серии фильма. Просмотр кандидатов ежедневно в рабочие часы в павильоне № 2».

Я почесал в затылке. Почему б не сходить? Все равно делать нечего. Пора влиться в местную жизнь. Не возьмут, так хоть посмотрю на людей. И себя покажу. Шутка.

Я надел лучший комбинезон и отправился за ворота. Перед этим уточнил в Сети, как добраться. Оказалось просто: трамвай шел прямо к студии. Можно вызвать такси, но у меня нет клача. Кстати, стоит купить, деньги есть.

Вильге я сказал, что иду гулять. Она только кивнула. Про мой чип она знала – Кай рассказал. До остановки оказалось недалеко. Подошел трамвай, я поднялся в салон и купил билет у кондуктора-мужчины. Тот поворчал при виде крупной купюры, но сдачу отсчитал. Билет стоил 20 терри, то есть пятую часть нуля. По местным меркам дорого. С проездным ездить дешевле. Большинство пассажиров их и предъявляли. Мне он без нужды.

Получив на сдачу несколько купюр и гору мелочи, я примостился у окна. Пассажиров в трамвае мало, люди на работе. Я смотрел на проплывавшие мимо дома. Во дворах гуляли папочки с детьми. Мам почти нет, зарабатывают деньги для семьи. Женщины здесь получают больше мужчин, занимают руководящие должности и лучшие места. Вот такое «равенство».

Студия размещалась в трехэтажном здании с колоннами. У вахтера я спросил павильон № 2. Он махнул рукой направо. Прошагав по коридору, я нашел нужную дверь и вошел внутрь. В павильоне было многолюдно. Мужики толпились у дверей, не решаясь зайти вглубь. Претенденты. В основном молодежь, но попадались и седые. Сколько нас? С сотню наберется.

Я протиснулся вперед – зачем толкаться у дверей? В центре павильона красовались декорации. Они изображали комнату и коридор к ней. В комнате стояли стол и стулья казенного вида.

– Уважаемые гости! – раздалось сбоку.

Я повернул голову. На небольшом подиуме стояли две женщины. Одна средних лет, вторая – помоложе. Она и говорила.

– Прошу разобраться по рядам. После чего тофу Дон пройдет и отберет кандидатов на роль.

Так это режиссер фильма? Я присмотрелся. Женщина как женщина. Не красавица, но лицо живое. Собой худощавая, и глаза умные.

– Не обижайтесь, если вас не отберут, – сказала режиссер. – Мы ищем определенный типаж. Но вы сможете сняться в массовых сценах. Пять нулов в день. Кто согласен, скажите Рее, – она кивнула на молодую. – Те, кого отберу, проходят туда, – она указала на бутафорскую комнату.

Толпа зашумела и стала разбираться по рядам. Вышло криво – мужики явно не служили. Я пристроился с краю. Режиссер сошла с подиума и пошла вдоль рядов. За ней двигалась помощница. Я наблюдал. Режиссер шла, разглядывая людей. Изредка останавливалась и задавала вопрос. Потом шла дальше или указывала на декорации. Избранный выходил и шел к ним. Это случалось редко. Присмотревшись, я догадался, что отбирают молодых и симпатичных. Шанс есть. Симпатичных здесь мало. Взять Кая. Всем парень хорош, но лицом только девок пугать. Но в его случае это не беда: Кай умен и богат. В моем банке работал Леша Головлев. Умница, светлая голова. В тридцать лет – член правления. Но лицом – лошадь лошадыю. Как-то мне поручили сфотографировать руководство банка и разместить снимки на сайте. Я пригласил лучшего фотографа. Увидав Лешу, он впал в ступор. Потом долго выставлял свет, щелкал камерой. Вечером позвонил мне.

– Все вышли замечательно, – сообщил грустно. – Но один... Даже фотошоп не помог.
– Присылай, как есть! – предложил я. – Покажу членам правления. Пусть они решают.
Фотографии понравились всем, даже Леше. Насчет внешности он не комплексовал.
Женился на красавице. Причем та получила мужа в результате жестокой борьбы. За Лешу девки дрались...

Режиссер и ее помощница подошли ко мне. Я приветливо улыбнулся.

– Какой милый! – воскликнула режиссер. – Как зовут?

– Влад.

– Необычное имя.

– Я издалека.

– Приходилось сниматься в кино?

– Нет.

– Думаешь, справишься?

– Непременно.

– Почему?

– Я талантливый.

Режиссер захохотала. Ее спутница хихикнула.

– А ты наглый! – объявила режиссер. – Но мне нравится. Проходи! – она указала на декорацию.

Я прошел. Нас набралось пятеро. Большинство парней было моложе меня, лишь один старше. Этот держался уверенно, остальные смущались. Не пройдут – перед камерой теряться нельзя.

Появился оператор с помощниками, все мужчины. Принесли камеру и стали расставлять осветители. Пришла режиссер.

– Сейчас раздадут текст, – объявила претендентам. – Там всего три предложения. Заучить легко.

Подошедшая помощница принесла листки.

– Итак, сцена. Мобилизационный пункт, кабинет начальника, – стала объяснять Кея. – Вы пришли проситься на войну. Я изображаю начальника. Сижу здесь и подаю реплику. Вы мне отвечаете. Постарайтесь сделать это искренне. Пять минут на изучение текста.

Я поднес листок к глазам. «Начальник пункта: «Почему вы хотите воевать?» Ответ: «На столицу движутся враги. Они хотят сделать нас рабами. Не бывать этому!»».

Бле-ать! Лучшего они не придумали? Меня это «не бывать» на Земле задрало!

– Тофин Зарг! – Кея указала на ближайшего к ней парня.

Тот положил листок на стул и подошел к столу.

– Почему вы хотите воевать?

– На столицу движутся враги...

Нет, парень, не пройдешь.

– Благодарю, тофин! Вы свободны.

Парень поклонился и пошел к выходу.

– Тофин Григ!..

– На столицу движутся враги...

– Благодарю. Свободны.

Относительно хорошо произнес текст лишь тот, который держался уверенно. Наверное, актер. И одет лучше других.

– Подождите! – режиссер указала ему на стул. – У нас еще претендент. Тофин Влад!

Подхожу к столу.

– Почему вы хотите воевать?

Пауза. Брови Кеи ползут вверх. Претендент забыл текст? Нет, тофу! Я не буду говорить эту херню.

– Моя мать с сестрой погибли в сражении у границы. Я их очень любил... (Пауза.) А теперь курумцы идут сюда. Хотят сделать нас рабами. (Теперь с яростью.) Да я их грызть буду! На куски рвать! Не возьмете, проберусь к ним в лагерь. Подкрадусь ночью и убью! У меня нож есть. Вот... – лезу карман. – Острый. Я прошу вас: возьмите! Ну, пожалуйста!..

Опускаюсь на колени. В комнате тишина. Слышно, как потрескивает осветитель. Поднимаю взгляд. Глаза у Кеи по пятаку, у Реи – и того больше. Оператор открыл рот и забыл про камеру. Встаю. По лицу Кеи бежит тень.

– Почему изменил текст?

– Он плохой.

– Твой, значит, лучше?

– Живее.

– А тот мертвый?

– Слишком правильный. Так не говорят.

– Понимаешь в текстах?

– Работал журналистом.

– Где?

– На Дальнем Континенте.

– Как попал к нам?

Кея в изумлении. Другие – тоже.

– Слишком долгая история. У меня есть разрешение на проживание и работу. Можно навести справки в социальном центре или проверить чип.

Кея машет рукой. Чип ее не интересует.

– Говорил, ранее не снимался. А играешь как профессионал.

– Работал на телевидении.

– Хорошо, – вздохнула она. – Беру. Тофин Криг, благодарю за сотрудничество.

Актер с каменным лицом идет к выходу. Кажется, у меня появился враг.

– Съёмки завтра. Начало в десять часов. Тебе дадут текст сцены.

– Я могу вносить в него исправления?

– Да, – сказала Кея после паузы. – Но сначала покажи мне.

– Благодарю, тофу!

– Вот ведь взялся на мою голову! – пробормотала она и встала. – Что про деньги не спросил?

– Сколько будете платить?

– Двадцать нулов в день.

Ничего так...

* * *

На студию я приехал пораньше – Кея попросила. Позвонила сама. Я обзавелся клачем. Продавец сняла данные с моего чипа и внесла их в базу. Привязала аппарат. Теперь лишь я могу им пользоваться. Для начала я позвонил Рее и продиктовал номер. Сообщил адрес почты, по которому следует выслать текст. После этого зашел в банк и открыл счет. Положил на него деньги – неудобно таскать пачку с собой. И нужды нет. Банкоматы здесь на каждом углу. Никаких карт не нужно, их заменяет чип. Банкомат тебя опознаёт, набираешь код – и снимаешь деньги.

В социальном центре мне выдали продуктовые карточки. Без них можно есть в ресторанах, но там дорого. Карточки представляли собой листок с клеточками. В каждой – название

продуктов. Крупа, овощи, мясо, хлеб. Остальное продавалось свободно. Клеточка – дневная норма. Карточки можно отоварить сразу за месяц. Любопытства ради я зашел в городскую столовую. Кассир-мужчина выстриг по половинке из трех клеточек. Я получил суп, кашу и кусок хлеба. Сок шел без карточек. Заплатил 50 терри. Еда мне понравилась. Вкусно готовят и обстановка душевная. Повар стоял на раздаче и улыбался посетителям.

Дома я уведомил Вильгу о переменах. Она покачала головой, но ничего не сказала. Вечером ко мне заглянула Нейя. Выслушала и вздохнула.

– Не ожидала, что ты станешь актером.

– Неизвестно, как выйдет, – сказал я.

– Кея не ошибается в людях.

– Вы знакомы с ней? – удивился я.

– Ее все знают, – улыbnулась Нейя. – У нас маленькая страна, Влад. Да и Мей небольшой город.

В самом деле. Население Сахья – двенадцать миллионов человек. Из них в столице живет более миллиона. Страна вроде Беларуси, только территория больше.

– Станешь знаменитостью, не забывай нас! – попросила Нейя.

Это еще нужно стать... Но я пообещал.

Вечером я исправил текст. В основном – диалоги. Отослал Рее. Утром позвонила Кея и попросила прийти раньше.

– Что ты знаешь о войне? – спросила в студии.

– Читал учебник.

– Тогда ясно, – вздохнула режиссер. – Наш фильм – национальный проект. Для начала объявили конкурс сценариев. Победил мой. Знаешь почему?

Я покачал головой.

– В нем нет вымышленных героев, все реальные лица. Я сидела в архивах, изучала документы. Тысячи людей. Большинство из них погибли. Рассказать обо всех невозможно, приходилось выбирать. Под столицей в бой вступили два десятка рельсотронов. Расчет каждого – четыре человека. Командир, наводчик, заряжающий и подносчик снарядов. Всего восемьдесят мужчин. Кого было предпочесть? Я выбрала расчет номер пять. Знаешь почему? В нем трое были пожилыми. Четвертый – мальчик-сирота, двадцати лет от роду. Он рос в детдоме. Звали его Дин Рут. Его ты будешь играть.

Она включила планшет и стала листать пальцем картинки.

– Вот он!

На меня смотрело милостивое юное лицо. Симпатичный парень.

– Из-за внешности его дразнили «Милашкой». Дин не обижался. Что заставило его пойти на войну? Ему не было кого защищать. Ни семьи, ни женщины. Но он очень горячо просил, и его взяли, – она помолчала. – Он погиб вместе с остальными. Теперь понимаешь, почему твои поправки не годятся?

Я покрутил головой. Кея посмотрела удивленно.

– У Дина была мать, – сказал я.

– Но он не знал ее. Я хочу тебе кое-что сказать, Влад. Ты приехал издалека и многое знаешь. В годы диктатуры матери нередко отказывались от сыновей. Отдавали их в детские дома, а там было не сладко. Скучное питание, воспитатели из военных. Они били мальчиков. Обучали их читать и писать, и ничему более. Дин был чернорабочим. На войне стал подносчиком снарядов. Он не мог говорить о матери и сестре, его бы тут же разоблачили. Ты согласен?

– Нет.

– Почему?

– Сирота мечтает о родителях, порой придумывает их. Мол, они служат где-то далеко, потому и сдали ребенка в детдом. Но они за ним обязательно приедут. Дин хотел в это верить.

Потому говорит о матери и сестре. Ведь они у него могли быть! Остальным понятно, что он врет, но они не решаются возразить. Потому что виноваты перед пареньком. Это с их молчаливого согласия мальчиков отдавали в детские дома, где держали впроголодь и били. Теперь им стыдно. Потому что паренек, которому изуродовали судьбу, идет защищать Родину.

– Я хотела об этом сказать, – пробурчала Кея. – Потому и выбрала этот расчет. Но твои слова жгут сердце.

– Вы снимаете фильм-урок, напоминание о совместной победе?

Она кивнула.

– Пусть традиционалы задумаются. Они называют нас грязными и вонючими, не считают за людей. Пусть посмотрят на этого паренька. После всех издевательств пошел воевать за них. И погиб, чтоб они жили.

– Забери меня Темнота! – вскричала она. – Как ты все повернул! Рос в детдоме?

– Нет, тофу.

Зато жил без родителей. И мечтал, что они меня заберут.

– Принимаю, – сказала Кея.

– А еще Дину следует дать девушку.

– Что?!

– Пусть он встретит ее среди ополченцев. Она отвергнет его, потому что аристократка. У нее буква «й» в имени. Зовут ее Клейга. Для нее этот парень никто. Только Дин будет ее любить. В свой последний час, когда погибнут товарищи, он встанет к рельсотрону. Будет стрелять и кричать: «Это вам за мать и сестру! За Клейгу!» Он видел, как упал ее бронеход и решил, что она погибла. Но Клейга уцелеет. Много лет спустя она придет к мемориалу павших бойцов. Принесет к его подножию цветы. По ее щеке побежит слеза, и она тихо скажет: «Прости, Дин...»

– Замолчи! – крикнула Кея. – Я сейчас зарыдаю.

– Надо сделать так, чтоб рыдали зрители.

– Ладно, правь! – согласилась Кея. – Посмотрю, что получится.

А потом были съемки... Выжигающий глаза свет, ползущий от жары грим, недовольный голос режиссера. Дубли, дубли... К концу съемочного дня я уже не хотел денег. Мелькнула мысль отказаться от роли. Только я ее отверг. Подписался – не скрипи!

Спустя время я втянулся и в студию ехал с удовольствием. У меня сложились душевные отношения с партнерами. В перерывах они рассказывали о себе. В годы диктатуры актеров изгоняли из театров. Пьесы ставили без мужских ролей. Изгнанники отправились на заводы и создали там самодеятельные театры. Постановки их пользовались успехом. Зрителей приходило больше, чем в театры. Хунта попыталась самодеятельность запретить, но владельцы предприятий не подчинились. Самодеятельность спланировала коллектив, и из-за этого он работал эффективней.

В войну актеры попросились на фронт. Кое-кто успел повоевать. Для них этот фильм не был чем-то отвлеченным – они в нем жили.

– Повезло тебе, Влад, этого не видеть, – говорили они, и я соглашался.

Ко мне они относились, как к сыну – мужикам-то под пятьдесят. Для них я пацан.

Играли они замечательно. Во взглядах, обращенных на меня, сквозила снисходительность и вина. Их герои понимали, что погибли, и жалели, что вместе с ними умрет замечательный парень. Но спасти его не могли. Вечерами мы просматривали отснятый материал, и я замечал влажные глаза Кеи. И не только у нее.

С партнершей у меня отношения не задалось. На роль Клейги режиссер пригласила местную звезду. Уличив момент, та прошипела:

– Не смей приближаться ко мне, мурым! Я вонючек не терплю.

От такого я охренел и пожаловался Кее. В ответ она улыбнулась:

– Я все знаю, Влад. Но так нужно.

Я понял, просмотрев материал. Актриса смотрела на меня с безразличием. Из-за этого любовь Милашки выглядела особенно безнадежной, и от этого щемило в груди.

* * *

– Здравствуй, Сайя!

– Рада слышать тебя, тетя.

– У меня новость: Влад ушел от нас. Перебрался в социальное общежитие.

– Почему?

– Говорит, что хочет жить самостоятельно. Нашел работу на киностудии, снимается в фильме.

– Он актер?

– Говорит, что нет. Но его взяли. Хорошо платят.

– Это ненадолго. Съемки завершатся, и он останется без работы.

– У него есть деньги. Кай заплатил ему за сведения.

– Знаю. Брат звонил. Очень злился.

– Почему?

– Потому что сам не догадался. У нас крупнейший в стране завод по переработке нефти. Мы извлекаем из нее смазки, остальное продаем на теплоэлектростанции. Отдаем почти даром, потому что спрос малый. Но если использовать эти отходы для сжигания в моторах, открываются невероятные перспективы. Автомобиль с таким двигателем может вести любой. Он не привязан к источнику энергии. Заправочные станции не требуют электрической линии – достаточно раскинуть уловители света, а топливо можно возить с собой. Удлинятся линии грузовых перевозок, что важно для Сахья с ее протяженными пространствами. Инженеры Кая сейчас создают двигатель. Если у них выйдет, завод придется расширять или строить новый, поскольку спрос ожидается невероятный. Возрастет производство автомобилей, в первую очередь – грузовых. Выпуск легких фракций нефти станет приносить прибыль. На внешний рынок пойдет невиданная ранее продукция: легковые автомобили и грузовики с тепловыми двигателями. Они будут стоить дешевле электрических. Кай мне много чего наговорил. Я все одобрила.

– Значит, Влад принес пользу?

– Да, тетя. Благодарю тебя.

– Это Кай.

– Он тоже. Но ты сумела расположить чужака к Дому.

– Скорее, он нас. Удивительный мальчик. Очень упорный и работающий, легко располагает к себе. Вильга от него в восторге. Даже учила его драться.

– Он и так это умеет. Разбил нос охраннице.

– Что дальше?

– Ничего. Пусть живет, как ему хочется. Он принес Дому несомненную пользу. Оправдал затраченные время и деньги.

– А если знает еще что?

– Вряд ли. Он не инженер. Я читала его записки. Общие сведения и идеи. Кай загорелся ими, поскольку пришлось к месту – ему не хватает заказов. У Влада нет инженерного образования. А что знает журналист? Только то, о чем ему рассказали. Кто станет делиться с ним тайнами? Бесплезная профессия.

– Ты сурово судишь.

– Такова жизнь, тетя.

– До свидания, девочка...

* * *

После павильонных съемок мы выехали в поле. Жили в палатках. Подходящая местность нашлась в отдалении от столицы. На месте настоящих боев снимать было нельзя – здесь располагался мемориал. Кроме нас на съемки прибыла группа бронеходов. В батальных сценах они изображали противоборствующие стороны. Свой лагерь военные разбили неподалеку. По утрам молодые женщины вставали по сигналу, совершали пробежку, а затем шли купаться к реке. Я подключился к ним. В строй, ясное дело, не вставал, но держался неподалеку. Интересно было наблюдать местных воительниц. Они тоже посматривали, и в их взглядах читалось любопытство. После завтрака женщины влезали в бронеходы и изображали бой. Посмотреть на это собиралась незадействованные в сцене актеры. Зрелище впечатляло. Бронированные волны шли навстречу друг другу, и от их поступи дрожала земля. Из манипуляторов вылетали молнии, после чего некоторые машины валились на землю. Победители перепрыгивали их и шли дальше. Мне это напоминало фантастические фильмы. Впечатление усиливали бронеходы – угловатые корпуса на шагающих опорах. «Голов» у них не имелось. По бокам бронегондол – «руки»-манипуляторы.

С батальными сценами почему-то не выходило. Кея ругалась и заставляла повторять. Они о чем-то жарко спорили с командиршей бронеходчиков. А те, пользуясь моментом, вылезали из машин и растягивались на траве.

Еду нам возили из недалекого города. Из кузова выволакивали термосы, корзины с хлебом, фляги с соком или компотом. Кормили сытно и бесплатно, карточек не просили. В съемках есть своя прелесть.

Бронеходчицы ели с нами. Мы сидели на лавках за общим столом. Как-то ко мне подошла девушка. Невысокая, крепкая, с простоватым лицом.

– Можно? – спросила, указав место рядом со мной.

– Запросто! – сказал я и подвинулся.

Она села и поставила на стол миску с кашей. Некоторое время мы сосредоточенно работали ложками. Девушка ела аккуратно, отламывая от хлеба небольшие кусочки.

– Вкусно! – сказала, опустошив тарелку. – И мяса в кашу кладут много. Тебе принести церг?

– Если не трудно, – кивнул я.

Она забрала мою миску, отнесла ее вместе со своей к раздаче и вернулась с двумя кружками. Мы сидели, блаженно потягивая горячий напиток. По вкусу церг походил на чай. Его делают из травы, которую растят на полях. На мой вкус, церг слишком душист, но здесь любят такой.

– Хорошо! – сказала соседка, оставив кружку. – Нам тут нравится. Кормят, поят и не надо ходить строем. Сниматься интересно. А тебе?

Я кивнул.

– Меня зовут Сая. Ты Милашка?

– Это прозвище моего героя. Меня зовут Влад.

– Я смотрела, как ты играешь. Мне понравилось. Обязательно посмотрю фильм.

Я кивнул вновь.

– Почему ты бегаешь с нами?

– Вместе интереснее. Привык в армии.

Ее брови поползли вверх.

– Ты служил?

– Я приехал с Дальнего Континента. Там мужчин берут в армию.

– Чем ты занимался?

– Водил танк. Это бронированная машина, которая едет на гусеницах – по стальным лентам, которые тянут катки. Словно поезд по рельсам.

– Никогда не слышала о таком.

– А я не видел бронеходов. Не покажешь?

– Сейчас!

Она встала и осмотрелась.

– Командир ушла в палатку, – сообщила спустя минуту. – Она любит после обеда поспать.

Идем!

Я отнес кружки, и мы отправились за холм. Там стояли бронеходы. Дверцы на спинах открыты.

– Это мой, – Сая указала на черную машину. – Курумский «Архан». Захвачен после битвы за Мей. Большинство их пустили на переплавку, но несколько штук уцелело, и теперь мы изображаем врагов, – она хихикнула. – Бронеход старый, конечно, но еще ничего. У курумцев хорошие машины.

– Можно? – указал я на дверцу.

– Лезь! – разрешила она. – Все равно ничего не увидишь. Экран включится, если внутри живая батарея. Причем сильная. Не любая женщина может водить бронеход. Что говорить о мужчинах, – он снисходительно улыбнулась.

Но я все же полез. Бронеход стоял, согнув «ноги» – по-иному не взобраться. Я сунул ногу в скобу под корпусом, схватил рукой за вторую и забрался внутрь. Осмотрелся. Внизу – «педали», наподобие тех, что используют в эллиптическом тренажере, впереди – рычаги. На них сверху – кнопки. Я встал на «педали» и взялся за рычаги. Не удержавшись, нажал красную кнопку.

Загудел мотор, и задняя дверца закрылась. Показалось или я расслышал удивленный крик? Из педалей вылезли дуги и обхватили ступни. Перед глазами вспыхнул экран. Камеры, установленные снаружи, проецировали на него изображение – каждая в свой квадрат. В одном из них я рассмотрел Саю. Она что-то кричала и махала руками.

Я двинул «педалями». Бронеход выпрямился и шагнул вперед. Я потянул на себя правый рычаг. Машина развернулась направо. Все понятно. Я задвигал «педалями». Бронеход рванулся вперед. Шел он плавно, не качался и не пытался упасть. Интересное устройство. Центр тяжести наверное низко. Я ускорил движение, потом побежал. Вау! А он быстрый! Километров тридцать в час точно будет. Прыгнуть сможет? Не получилось...

Я загнал бронеход на холм, развернулся и пошел вниз. При этом корпус отклонился назад. А когда шел вверх, было наоборот. Гироскопы стоят, точно. В вождении ничего сложного нет.

Подойдя к Сае (она продолжала махать руками), я нажал красную кнопку. Бронеход присел. Загудел мотор, открылась задняя дверца. Довольный, я выскочил на траву.

– Ты что себе позволяешь? – подбежала ко мне Сая. – Зачем включил бронеход?

Внезапно она выпучила глаза и прикрыла рот ладошкой.

– Как ты смог?!

– Извини! – сказал я. – Не удержался.

– Ты и вправду служил... – покрутила она головой. – Я не верила.

– Меня долбануло током, – объяснил я. – Высокое напряжение, едва выжил. Оттого, видимо, и способности.

– Никогда не слышала о таком. Чтобы мурим... то есть мужчина вел бронеход... Никому об этом не говори!

– Почему?

– Меня накажут. Нельзя разрешать посторонним водить бронеход.

– Так это трофей.

– Все равно, – покачала она головой. – У нас строгая командир. Не скажешь?

– Могила! – я стукнул себя кулаком в грудь.

Она улыбнулась и взяла меня под руку.

– Идем!

Обратным путем мы вернулись в лагерь. Бронеходчицы сидели за столом и чем-то болтали. Нас встретили насмешками.

– Сая мурима себе отхватила! За ручку ведет.

– Выдывалась перед ним, бронеход по холму гоняла, – фыркнула рослая тетка с тяжелым лицом. – Что скажешь, мурим? Понравился бронеход?

– Да, тофу, – кивнул я. – Да так, что я решил записаться в бронеходчики.

Сая сжала мой локоть. Бронеходчицы засмеялись.

– Как ты стронешь его с места? – ухмыльнулась тетка. – А, мурим?

– Сяду вам на колени.

– А-а-ах! – грохнули за столом. – На колени... Цоя, выдержишь? Он ведь совсем маленький. А-га-ха!

– А ты веселый, – сказала другая девушка, когда все отсмеялись. – Расскажи еще что-нибудь!

– Командир останавливает бронеход. Из него вываливается пилот. «Почему твой бронеход ходит кругами? Почему он виляет? – спрашивает командир. И тут она улавливает запах. – Ты что, пьяная?» «Я – нет! – отвечает пилот. – Вы же сами сказали: это бронеход...»

– А-а-ах! – отозвались за столом. – Бронеход пьяный... Га-га-га!

Простые они девочки, немудреные. Древним шуткам смеются.

– Еще! – потребовали за столом.

– Бронеходчица лезет на дерево. «Ты куда?» – спрашивает ее другая. «Яблоки есть». «Так это другое дерево! На нем не растут яблок». «А у меня с собой».

За столом грохнули так, что вздрогнули палатки. Бронеходчицы качались от смеха и показывали друг на друга пальцами. «Яблоки... С собой...»

Привлеченная шумом, из палатки выползла командир. Недовольно щурясь, она направилась к столу. Разглядели ее не сразу. Но потом увидели и смолкли.

– Что тут происходит? – спросила командир. – Почему шум?

– Мурим рассказывает смешные истории, – одна из девушек указала на меня. – Про бронеходчиц.

– Да? – зловеще улыбнулась командирша. – Что ж, послушаем. Все равно разбудили. Говори, мурим!

– Рядовая бронеходчица подходит к своему командиру. Спрашивает у нее: «Скажите, тофу. Если я пожалуюсь на вас старшему начальнику, мне за это ничего не будет?» «Ничего тебе не будет, – отвечает командир. – Вот совсем ничего. Ни бронехода, ни мундира, ни жалованья...»

У бронеходчиц за столом надулись щеки. Они терпели изо всех сил. Но тут грохнула командирша. Захохотала, открыв щербатый рот. Остальные немедленно подключились. «Ой, не могу! – доносилось до меня. – Ни бронехода, ни мундира... Жаловаться захотела...»

– Правильная история, – заключила командирша, когда все отсмеялись. – На командира жаловаться нельзя. Его нужно любить, – она подняла палец. – Еще знаешь?

– Так точно, тофу. Возвращается в часть бронеходчица. Перед этим она крепко выпила. В глазах двоится. Навстречу движется командир. Бронеходчице кажется, что их двое. «Разрешите между вами пройти?» – спрашивает заплетающимся языком. «Р-разрешаю! – так же отвечает командир. – Только по одной».

Ржач... В порыве чувств тетки колотят по столу. Меня трогают за плечо. Оборачиваюсь – Кея. Она прикладывает палец к губам и указывает в сторону. Там оператор с помощниками.

Камера направлена на стол. Замечаю, как к столу подходит и усаживается с краю моя злобная партнерша «Клейга».

– Что вы делаете?

– Снимаем эпизод, – шепчет Кея. – Твой герой рассказывает истории ополченцам. Поднимает боевой дух. Давай, не останавливайся!

Отходит. Ну, Кея! Но с другой стороны... Я в гриме и военной форме, поскольку готовился к съемкам. Бронеходчицы за столом в форме тех лет. Камеры они не видят, смотрят на меня.

– Продолжай, мурим! – кивает командирша.

– Возвращается бронеходчица из командировки...

6

Вечером Кея показала бронеходчицам отснятый материал. Они пришли в полный восторг. Ржали и тыкали в экран пальцами. Непосредственные девочки. А когда Кея сказала, что включит эпизод в фильм... Вечером ко мне подошла их командирша.

– Вот что, Влад, – сказала, слегка смущаясь. – Меня зовут Тая. Кап Тая Нур, командир орха¹¹ бронеходов. Для тебя просто Тая. Я хочу сказать, что ты можешь бегать с нами. И никто не скажет тебе: «Мурим!» Пусть только попробуют! – она показала кулак.

– Благодарю, Тая! – ответил я. – Сочту за честь.

Она кивнула и отошла. Утром я встал в строй бронеходчиц. Мы пробежали вокруг холмов и пошли купаться. Я скинул спортивный костюм, разбежался и сиганул в реку. В плавках. Бронеходчицы посыпались следом голые. Нагота их не смущала. Плавали они хорошо. Меня попытались поймать и притопить, но я выскользнул на берег. Девки полезли следом. Вид у них был зловещий. Сейчас схватят и бросят в воду.

– Предлагаю выучить речевку! – сказал я.

– Это что? – удивились дамы.

– Маршевая песня. С ней легче бежать.

– Давай! – согласилась кап Нур.

Назавтра строй пыхтел под речевку:

– Бронеходчицы на марше – ух, ух, ух! У прохожего в сторонке захватило дух. Посмотри на нас, прохожий, по-смо-три. Не найдешь таких красивых – раз, два три...

Съемочная группа, вышедшая на это поглядеть, каталась от смеха. Бронеходчиц это не смутило – им речевка нравилась. Еще я продемонстрировал Тае комплекс армейской физзарядки, и она велела женщинам его разучить. Теперь по утрам мы махали руками, приседали и доставали кончиками пальцев рук носки армейских ботинок.

Удивительно, но с этого момента наладилась съемка батальных сцен. Тая больше не спорила с режиссером. Мне позволили нарисовать на задней дверце одного из бронеходов сердечко. Так мой герой помечал машину возлюбленной. А затем видел, как ее бронеход падает...

Работалось весело. Кее удалось превратить группу в единомышленников. К ней все бегали с предложениями. После бурного обсуждения идеи принимались или отвергались. Мои обычно шли на ура. А чего вы хотели? Киноштамп из моего мира здесь смотрелся как откровение. Кея принимала почти все. Я этому радовался. Люди вокруг были хорошие, и мне нравилось быть им полезным.

Сая не отходила от меня. За столом садилась рядом. Приносила мне еду и питье. Бронеходчицы, видя это, скалились. Улыбались и мои партнеры.

– Чего мучаешь, девочку? – спросил меня старший из них, Крег. – Волоки ее в палатку.

– А потом скажет: «Женись!» – буркнул я.

Крег захохотал.

– Сразу видно, что иностранец, – сказал, отерев слезы. – Бронеходчицам запрещают жениться. И беременеть нельзя. Поступая на службу, они подписывают соответствующий контракт.

– Почему? – удивился я.

– Потому что матери нужно строить квартиру. Открывать в части детский сад и школу. Это дорого. Проще сунуть их в казарму. У них специальные устройства в телах, которые не позволяют забеременеть.

Знаем мы эти устройства...

¹¹ Рота по-нашему.

– Так что можешь не переживать, – ухмыльнулся Крег.

С наступлением темноты Сая пришла ко мне в палатку. Это была бурная ночь! Мы с ней просыпались, набрасывались друг на друга, разжимали объятия и засыпали вновь. Перед рассветом Сая ушла. Я провалился в сон. Разбудили меня к завтраку. Ополоснув лицо, я побрел к пустому столу. На нем стояла одинокая миска с кашей и лежала ложка. Все давно поели.

– Ты б не увлекался! – выговорила мне Кея. – У нас съемки...

В ее голосе я ощутил ревность. Или показалось?

К осени съемки завершились. Бронеходчицы погрузили вещи грузовики и разобрались по шагающим машинам. На прощание Сая обняла меня на виду у всех. Бронеходчицы скалили зубы, но в глазах некоторых я прочел зависть. Сая выглядела довольной – с актером переспала. Продолжать отношения она не собиралась, о чем мне и сказала. Гусар добавил еще одну победу в свою копилку...

Кап прорычала команду, и железный орх, помахав нам манипуляторами, двинулся к месту дислокации. Собрались и мы. Палатки и декорации увезли в грузовиках, нам подали автобус. Двинулись с опозданием. Как всегда, кто-то и чего-то потерял, долго искал, пока остальные ждали. Наконец тронулись.

Наш автобус представлял собой деревянный фургон, установленный на стальной раме с колесами. Лет ему было много, и гоняли его от души. О том говорила вытертая обивка сидений, щербатые доски обшивки. На неровностях рыдван скрипел и раскачивался. Увидав его, Кея что-то прошипела, и лицо ее приняло сердитое выражение. Ох, влетит кому-то! Кея – женщина серьезная.

Пепелац выбрался на шоссе, и мы покатали по асфальту. Здесь он есть. Ну, так нефть... Я сидел за спиной водителя. Интересно было посмотреть, как тут рулят. Молодая женщина с усталым лицом крутила установленную почти горизонтально баранку. Я присмотрелся к органам управления. Ничего сложного. Кнопка включения двигателя, рычаг переключения скоростей, вернее, селектор выбора режима езды, педаль тормоза и газа. Причем тормоз нужен для окончательной остановки автомобиля. В режиме «брейк» происходит эффективное торможение двигателем. Заодно генератор за счет рекуперации пополняет заряд батареи. Разобравшись с органами управления, я стал смотреть вперед.

Шоссе проложили по холмистой местности. Оно то взбиралось на возвышенности, то устремлялось вниз. На подъемах автобус еле тянул, зато вниз катил, набирая скорость. Вот и теперь после длительного подъема помчался вниз. Разогнались мы хорошо. Впереди возник крутой поворот. Автобус мчался к нему, почему-то не снижая скорости. Я бросил взгляд на водителя. Она лежала лицом на баранке. Потеряла сознание? Твою мать! Сейчас вылетим в кювет. Амба всем...

Я вскочил и метнулся вперед. Отвалил водителя от руля и включил режим рекуперации. Пепелац стал замедлять ход, но катился резво. Остановиться не успеет, а педаль тормоза мне не доступна.

Я схватил баранку и закрутил ее влево. Тяжело, будто нехотя, пепелац вошел в поворот, громко скрипнув сочленениями. Правая сторона автобуса приподнялась и зависла над асфальтом. За спиной завизжали. Но тут колеса с размаху опустились на покрытие, чудом миновав обочину. Я взмок. Случись шинам коснуться грунта, нас бы выбросило в кювет. Был у меня случай в начале водительской карьеры. Шарахнулся вправо от встречного автомобиля – мудака пер по осевой – и зацепил обочину. «Опель» швырнуло на встречную полосу... Пришел я в себя на противоположной обочине. Как я выкрутил – до сих пор не помню. У меня дрожали руки и ноги, в путь смог тронуться спустя полчаса...

Автобус стал замедлять ход – за поворотом шоссе шло на подъем. На ровном участке я бросил руль, вытащил женщину-водителя и положил ее на дощатый пол. Сам, скользнув в

водительское сиденье, нажал на педаль тормоза. Автобус замер. Я включил стояночный тормоз, встал и обернулся к салону.

На меня смотрели бледные лица.

– Надо помочь ей, – я указал на водителя.

Дверь в автобус открывалась вручную. Я потянул на себя ручку и распахнул ее. С подскокившим Крегом мы вытащили водителя наружу и уложили ее на траву. Вокруг тут же захлопотали женщины. Мы отошли в сторону.

– В последний раз так пугался на войне, – сказал он и достал из кармана плоскую фляжку. – За поворотом – глубокий кювет. Раздавило бы в лепешку, – он свинтил пробку и сделал глубокий глоток. – Будешь? – он протянул флягу мне.

Я покрутил головой.

– Главное, все вижу и понимаю, но не могу двинуться с места, – вздохнул он. – Хорошо, что ты не растерялся. Мы теперь твои должники.

Я пожал плечами.

– Пойдем! – сказал он, пряча фляжку. – Кажется, водитель очнулась.

Мы подошли. Водитель сидела на траве, лицо у нее было бледным. Крег опустился на корточки и взял ее руку. Нашупал пульс. Затем приложил ладонь тыльной стороной ко лбу женщины.

– Пульс вялый, но жара нет. Похоже на истощение. Вы голодны?

– Нет, – прошептала женщина.

– Не в порядке давление? Нарушение мозгового кровообращения?

Она покачала головой.

– Тогда почему потеряли сознание?

– Я... – водитель помедлила. – В автобусе старая батарея. Осталась треть емкости. Я вела его фактически на своей энергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.